

Екатерина Романова

Денар Холм

*Пока последняя снежинка
не растает..*

16+

Екатерина Романова

Ренар Холл

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=41987651

SelfPub; 2019

Аннотация

Чтобы спасти семью от нищеты, наследница разорившегося графского рода устроилась служанкой в поместье таинственного эрцгерцога, чьи земли вот уже несколько десятилетий окутаны снегами, такими же холодными и неприступными, как и их хозяин. С того момента, как девушка переступила порог Ренар Холла, ее жизнь кардинально изменилась. Тайны прошлого и надежды на будущее, ревность соперниц и козни сослуживцев, раскрытие дара и отказ королю... Но главным событием стала любовь, способная растопить последнюю снежинку.

Ренар Холл

© Екатерина Романова, 2018

© Оформление. Екатерина Романова, 2018

Файл для сайта ЛитРес

Все права защищены. Произведение предназначено исключительно для частного использования. Никакая часть электронного экземпляра данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для публичного или коллективного использования без письменного разрешения владельца авторских прав. За нарушение авторских прав законодательством предусмотрена административная и уголовная ответственность.

Подобные действия на территориях стран подписавших международные конвенции по авторскому праву влекут административную и уголовную ответственность в соответствии с действующим законодательством этих стран.

Запуская пальцы в шелковые пряди луга, я наслаждалась солнцем и обжигающим дыханием лета, восстанавливая силы после волшебства. Мой батюшка, почтенный граф Валентайн почил, оставив меня один на один с необузданной силой, которую приходится познавать самостоятельно. Конечно, были учителя и репетиторы, но деньги стремительно та-

яли, а потому пришлось отказаться от уроков. Затем мы лишились дорогих экипажей, части слуг, всех слуг, а впоследствии и вовсе переехали в дом поменьше. Так мы с матушкой – графиней Валентайн – и всем остальным семейством оказались в деревеньке Ротмир, где имели скромный двухэтажный особняк, двух коров, четырех свиней, дюжину кур и небольшой земельный надел с садом. Мы более не могли позволить себе слуг, а потому пришлось осваивать искусство самостоятельного ведения хозяйства. Бывшие леди сегодня окучивали картошку и пасли коров с ловкостью и умением бывалых крестьян. Отчаянные времена требовали отчаянных мер. Матушка, грешным делом, пыталась вновь выйти замуж, но немолодая вдовствующая графиня с четырьмя детьми никому не нужна. Не нашлось желающих и по мою честь. Несмотря на то, что мы едва сводили концы с концами, не видели иных перспектив, кроме тяжелого труда, я верила, что однажды величие рода Валентайн воссияет, как и прежде.

– Лайнэ! Лайнэ! Ну, где же ты? – услышав взволнованные крики сестры, я села, отбросив за спину кудрявые золотистые пряди. Развела руками заросли ежи.

– Скорее! Идем в дом! Тетушка Марджери приехала, у нее для нас удивительные известия!

– Вот как? – поскольку сегодняшние занятия волшебством удались и даже принесли плоды, я была в хорошем расположении духа. Улыбнулась и водрузила на голову сест-

ренки сплетенный из полевых цветов венки. – Тогда, не стоит заставлять известия ждать, раз они такие удивительные!

Подобрав подола платьев, мы, заливаясь звонким смехом, наперегонки бросились в дом.

Тетушка Марджери – сестра матери – изредка приезжала нас навестить, когда они с супругом возвращались из очередного путешествия в столицу. Она привозила заводские продукты, подарки, разные диковинные вещицы, а самое главное – новости. Мы с сестрой любили слушать ее рассказы о балах, нарядах столичных леди и новых постановках. Об осколках нашей прежней жизни...

Братья, которых мода и сплетни не интересовали, получили долгожданные подарки и с удовольствием возились с ними возле печи, шурша фантиками и звеня заводными игрушками. За столом сидела матушка и тетушка Марджери. Мы с Латишей склонились в реверансе – привычка прошлого, а затем бросились к госте с объятиями и поцелуями.

– А вот и мои любимые племянницы! Держите, я и для вас подарки привезла.

Хоть я и выросла из того возраста, когда могла считаться ребенком, но не сумела сдержать любопытство и тут же раскрыла коробку.

– Ох, тетушка! Право, не стоило! Какая замечательная накладка!

Я набросила на плечи льняной платок, расшитый крупными цветками маков и покрутилась возле большого зеркала.

ла. Латиша тут же присоединилась, примеряя новую шляпку. Подарив тетушке дополнительную порцию ласки, мы убрали подарки и помогли матушке накрыть на стол.

– Латиша передала, что у вас «удивительные известия»?

– Мы спасены, – я знала, что матушка едва сдерживала слезы, но, поскольку почтенная леди Валентайн была таковой большую часть своей жизни, ей хорошо удавалось контролировать эмоции.

Я переводила недоумевающий взгляд с родительницы на тетушку, которая, отставив блюдо, с волнением посмотрела на Латишу:

– Дорогая, ты хочешь помочь своей семье исправить финансовое положение?

– Я? – сестренка даже подавилась и, откашлявшись, отложила столичную конфету. – А что я могу? Пасти коров, окучивать картошку, поливать тыквы... Как это нас спасет?

– Вам известно о Ренар Холле?

За столом сразу стало тихо. У меня даже внутри похолодело. Конечно, все знали о Ренар Холле – царстве вечной мерзлоты. Странном и таинственном куске льда посреди дышащего жизнью цветущего полуострова Ленос. Вроде бы и центр державы, а почему-то скован снегами.

– А известно ли вам, что моя двоюродная сестра работает экономкой у брата короля? Хозяина дома?

– Я все равно не понимаю, – Латиша хлопала глазами, а пальчиками нервно теребила платье. Заметив волнение сест-

ры, я сжала ее ладошку своей.

– Намедни в Ренар Холле освободилось место служанки, о чем милая сестрица сразу же доложила мне. Несмотря на огромное количество желающих, это место достанется тебе, дорогая.

– М-мне? – икнула Латиша, переведя испуганный взгляд на матушку. – Как мне? Что значит, мне? Вам совсем меня не жалко?

Я крепче сжала ладошку сестры, вмиг заледеневшую от страха.

– Никто в здравом уме не захочет работать в Ренар Холле, – позволила выразить сомнение.

– Даже за триста золотых в цикл?

– Триста золотых?! – воскликнул Калев, чем привлек к себе внимание. – Быть может, эрцгерцогу нужны слуги? Я и конюхом могу!

Его возбуждение можно было понять. Чтобы содержать хозяйство, нам требовалось семьсот золотых в цикл. Мы имели немногим больше и едва сводили концы с концами. Дополнительные триста золотых позволили бы купить справную одежду, а не штопать старую, обзавестись дополнительной скотиной, нанять слуг, увеличить доход поместья и, возможно, медленно, но верно, вернуть прежнее положение в обществе и наши родные земли.

– Что, если я пойду вместо Латиши? – вопрос обращался к тетушке Марджери.

– Да, матушка, пожалуйста! Тетушка, пожалуйста! Пусть Лайнэ пойдет!

– Решение принято, – холодно отчеканила графиня. Несмотря на утрату былой власти, манеры, свойственные титулу и воспитание у нее было не отнять.

– Но Латише всего двенадцать, – мягко пыталась донести свою позицию. Так повелось, что по державным законам, я непосредственная наследница титула и состояния отца, поскольку наследовала магию. Раз богиня мать отмечает старшего ребенка своей милостью, то земные законы не смеют этому противиться, потому я имела право перечить матери. Откровенно говоря, после смерти батюшки главой семьи по законам считалась именно я, но разве может восемнадцатилетняя девица справиться с такой ответственностью?

– Именно по этой причине у меня нет опасений, что эрцгерцог положит на нее глаз. Лайнэ, о брате короля ходят разные слухи, один другого страшней, я не хочу, чтобы ты...

– Выходит, меня не жалко, да? – не стесняясь присутствующих, в голос зарыдала Латиша.

О Ренар Холле действительно ходили легенды. Согласно некоторым, поместье и все близлежащие к нему земли десятилетиями покрыты вечными снегами, потому что хозяин дома утратил сердце и рассудок. Ему настолько омерзителен вид живого, что он сковал льдами цветущие сады, покрыл сугробами плодоносные поля и даже заморозил прекрасное

озеро, облюбованное некогда редкими красными лебедями. Птицы облетают поместье стороной, а люди никогда не пересекают границу цветущих земель, не ступают на снежные доли. Тех, кто отважился нарушить покой белых долин, находили насмерть замерзшими на цветущих землях, либо не находили вовсе... О самом эрцгерцоге ходила еще более страшная молва, рисующая образ жестокого, кровожадного, холодного и расчетливого монстра.

– Не говори так, Латиша. Эрцгерцог хороший хозяин. Моя сестра ни разу не жаловалась на плохое обращение или дурной нрав господина. Строго говоря, они и не так часто видятся. Либо он в разъездах, либо запирается в своем кабинете. Все будет хорошо, тебе нечего бояться.

– Просто вам говори-ить, – рыдала сестра, – не вам молодость в заснеженных далях потерять! Да и не было бы молвы, будь все так хорошо-о...

Сжалившись над страданиями сестры, я приняла иное решение:

– Тетушка Марджери, напишите письмо своей сестре. Вместо Латиши в Ренар Холл отправлюсь я.

– Но Лайнэ! – попробовала протестовать матушка.

– Леди Валентайн! – строго и безапелляционно. – Матушка, – уже мягче. – Я вас люблю. Но при всем уважении, Латиша еще слишком маленькая. Она не может осознать всю ответственность в силу возраста и на многое не способна физически. Сестренка может не осилить роль служанки, несмотр-

ря на хлопоты тетушки Марджери и что тогда? Наша семья утратит шанс поправить благосостояние и вернуть былое величие. Представится ли еще один подобный случай?

Тетушка Марджери, пригубив чай, одобрительно хмыкнула. О возрасте Латиши, желая помочь, она и не подумала.

– Но, кто поможет мне с детьми, с хозяйством?

– Калев второй по старшинству, – брат поднял голову и улыбнулся. Он всегда страдал от того, что именно мне досталась честь принять на себя графский титул, отцовский дар и все привилегии, хоть и не показывал этого. – Ему уже шестнадцать. Он вполне справится с братом и сможет присмотреть за Латишей. А лучшей хозяйки, чем вы, во всей Ластрандии не сыскать!

– Все же, я настаиваю, чтобы отправилась Латиша!

– Уважаю вашу настойчивость. Но как глава семьи именно я должна думать о вашем благополучии и обеспечить его, а потому не позволю, чтобы на плечи Латиши легла ноша, которую она пока не готова вынести.

– Спасибо сестренка, – Латиша обняла меня, не переставая рыдать.

– Но твои волосы... – растерялась тетушка. – В поместье строгие нравы и волосы слуг должны быть коротко стрижены... Если в тебе проснется отцовский дар, то...

Об отцовском даре в семье говорить не очень любили, поскольку первые два года после гибели батюшки на него возлагалась большая надежда. На меня возлагалась надежда...

Если бы он проснулся, все было бы иначе. Я, как и батюшка, поступила бы на службу королю и получила бы жалование. Но, когда стало ясно, что раскрыть дар я не в состоянии, было уже слишком поздно, и мы потеряли большую часть земель. Следовало действовать иначе, но упущенного времени, увы, не вернуть, как нельзя повернуть реку вспять. Тем не менее, втайне от родных, я продолжала попытки раскрыть силу, которые давали, пусть маленькие, но результаты.

Общеизвестно, что сила мага в его волосах. Чем они длиннее, тем проще восстанавливать потраченную энергию и управлять магическими потоками. Обрезание волос столь же страшно для мага, как и потеря зрения для ювелира. Но мне на ум тут же пришло решение, как и волосы сохранить, и соответствовать требованиям нового господина.

– Решение принято. Завтра я отправляюсь в Ренар Холл. С этого дня у рода Валентайн появилась надежда!

Если бы я только знала тогда, что меня ждет впереди, я бы совершила самую большую ошибку в жизни, отказавшись от этого путешествия.

Перед поездкой я наведалась к своей подруге – костюмеру деревенского театра. Обрезать волосы я не планировала, но потерпеть неудобство ношения короткого парика ради блага семьи вполне могла.

Наши земли не знали белых времен, а потому подаренная тетужкой Марджери льняная накидка с маками стала самым теплым предметом в моем гардеробе. О белых временах я

знала из рассказов учителей и книг. Мне всегда хотелось полюбоваться снегом, поиграть в снежки или слепить снежную деву. А волшебство Белой ночи? Мы празднуем вхождение в новый цикл, разжигая костры, заплетая цветы в косы и пуская по реке венки, а в северных землях, где белые времена царствуют большую часть цикла, наряжают хвойные деревья, зажигают факелы, дарят друг другу подарки в цветных коробках и греются за чашкой горячего какао перед камином. Греются... Единственное, что пугало меня, наследницу мага солнца – это холод. Ненастные летние дни всегда давались мне тяжело, а как быть, когда холод – единственный спутник все дни цикла и нет никакой надежды на ясное небо и тепло бархатной земли, по которой можно пройтись босиком? Об этом я старалась не думать.

Невеселые мысли тем сильнее терзали душу, чем ближе экипаж приближался к Ренар Холлу. Через полдня пути пейзаж за окном резко поменялся. Дышащие жизнью луга и леса оделись в черно-серые хламиды, потеряв листву и ежась от пронизывающего ветра, который трепал ветки деревьев и гонял по полям отмерзшие стебли растений. Сначала у меня озябли пальцы рук и ног, затем я продрогла телом, словно под лиф платья положили льдинку и она, медленно тая, проникала вглубь меня, разнося лед по венам. Вскоре я перестала чувствовать нос и едва шевелила губами, а изо рта, при попытке согреть ладони теплым дыханием, выходили клубы пара. Одернув шторку, я замерла, не то в восхищении,

не то в испуге. По белому кашемиру полей Верховная богиня рассыпала блестящие кристаллы, которые в закатных лучах искрились маленькими солнышками, напоминая о доме. Картина завораживала и вызывала восторг. Действительность оказалась куда восхитительней, чем цветные изображения в книгах. Неожиданный чих привел меня в чувство. В носу свербело от подступающей простуды, а горло будто песком обметало.

Проехав еще половину версты, извозчик остановился и выкрикнул:

– Ренар Холл, на выход!

Сначала мне показалось, что это ошибка, ведь за окном, кроме бескрайнего поля и башен вдалеке, ничего не было.

– Ренар Холл! – недовольно повторил мужчина.

Под сочувствующие взгляды других пассажиров, я выбралась из повозки. Губы едва шевелились, а ноги и вовсе не слушались, почти окоченев.

– Простите, господин, а разве мы не заедем в поместье? – обратилась к извозчику, который спрятал красный нос в пуховую шаль.

– Милочка, ты видишь дорогу до поместья?

Я повернула голову в сторону окутанного туманом кровавого солнца и еще раз чихнула. Дороги не было. Ни для лошадей, ни для людей.

– Но... как же добраться до замка?

– Иди прямо к башням и не ошибешься. Но!

Взвизгнул кнут и через несколько минуток посреди поля осталась лишь я и маленькая дорожная сумка. Каблуки туфелек неожиданно ушли под снег и, тщетно пытаюсь уцепиться за воздух, я взмахнула руками и распласталась на дороге, а сумка улетела далеко в сугроб. Замечательно! Начало нового этапа в истории графского рода Валентайн положено...

Небо, затянутое плотным сизым туманом, роняло на меня холодные белые пушинки. Им бы таять на ресницах, но я сильно продрогла. Настолько, что не могла даже подняться. Снежинки...

Для мага солнца губителен холод. Я понимала, если ничего не предпринять, то род Валентайн прервется здесь и сейчас, на подступах к спасительному Ренар Холлу. Рассказы и страшные легенды об этом месте больше не казались мне выдумкой.

Попробовала шевельнуться, но ничего не выходило. Сердце все медленнее трепыхалось, а рук и ног я не чувствовала вовсе. На грудь лег невидимый тяжелый камень, мешающий дышать. Ветер раскидал в сторону полы льняной накидки, и снег ложился прямо на мои голые плечи. Ну отчего дар солнца не пробудился? Почему не раскроется сейчас, когда так нужен?

Уплывающее сознание вернуло меня в прошлое:

– Лайнэ. Твое имя означает «волна». Помни об этом, – голос отца, теплый, как знойный полдень, был твердым и

настойчивым.

— Зачем? — не унималась вредная малышка, которой всегда требовалось добраться до истоков.

— Энергия солнца — тепловые волны.

Отец замедлил силовой поток, направленный на свечу, чтобы я могла разглядеть, как он пульсирует.

— Удивительно!

— Удивителен наш дар. И редок. Он черпает силы от тепла твоего сердца. Чем оно жарче, чем ярче горит, тем сильнее дар. Работай каждый день, и он обязательно раскроется, я верю в тебя!

— Обещаю, что буду стараться и однажды стану самым сильным магом солнца!

С тех пор я трудилась, не пропуская ни одного дня на протяжении пяти циклов. Надежда таяла, но обещание, данное отцу, не позволяло опустить руки. И вот, пару циклов назад, появились первые результаты, которые медленно улучшались. Сначала я смогла зажечь свечу, затем передвинуть вазу, нагреть воду... А вчера мне удалось нечто поистине потрясающее. Соседская корова не ела уже несколько дней и ее готовили на бойню. Я не была уверена, что смогу что-то сделать, более того, даже не знала, на что способны маги солнца, но отчаянно захотела помочь. И получилось! Корова выздоровела! Отец говорил, что люди с нашим даром невероятно сильны. Вчера я сама в этом убедилась, а потому не могла просто взять и сдаться. Я не могла погибнуть, как и другие

несчастные, от холода возле Ренар Холла. Не с той связались, эрцгерцог!

Сознание не хотело возвращать меня в действительность, и я не могла разомкнуть веки, но сила мага не в пассах, а в его голове и сердце. Это правило я четко усвоила, а потому обратилась к обмирающему сердцу, горячо умоляя спасти нас. Сейчас была важна не жизнь одинокой девушки. Сейчас было важным наследие. Дар не перейдет к Калебу, только к моему старшему ребенку. Батюшка настаивал беречь себя и наследие солнца, бороться за него до конца, что я и делала...

Тепло, слишком слабое, но различимое на фоне лютого мороза, пульсировало в районе солнечного сплетения. Сначала это была маленькая точка, но с каждой новой волной она все больше разрасталась, перебираясь на живот, грудную клетку, плечи. Неподалеку раздались голоса. Открыть веки я смогла не сразу, а когда смогла, поняла, что нахожусь на руках незнакомца, завернутая в теплую меховую шубу.

– Очнулась? Молодец! Эрдан, гроб не нужен! – весело крикнул мужчина и перевел на меня взгляд аквамариновых глаз.

– Богиня с вами, господин Ренар! Не пугайте девушку...

Господин Ренар? Неужели сам хозяин дома? Я представляла его совершенно иначе. Молодой юноша, чьи резкие черты смягчала дружелюбная улыбка, не создавал впечатление властного, жестокого и кровожадного господина. Заметив замешательство на моем лице, он рассмеялся, чуть за-

кинув голову назад. Я увидела длинные, цвета снега волосы, верхняя часть которых забрана в косу и стянута шнурком, а нижняя опускается за спину. Сомнений не было – передо мной сильный маг.

– Джаспер, – представился он. – Хорошо, что вы привлекли наше внимание магией, иначе замерзли бы насмерть.

Я попыталась ответить, но не смогла. Губы слиплись, а щеки заиндевели.

– Мы мигом это исправим, – ответил на мои мысли мужчина. – Эрдан, пусть Мариша приготовит покои для гостя, а там разберемся, что за таинственная незнакомка свалилась на наши головы.

Последнее что помню – мужчина сильным рывком поднялся со мной на руках. И темнота...

Очнулась я в небольшой комнатке, завернутая в теплое одеяло, поверх которого лежал меховой полушубок господина Ренара. Джаспера... Интересные нравы у эрцгерцога! Но обращаться по имени к брату короля я бы не отважилась даже с его дозволения.

Из-за двери донеслись голоса, не позволив должным образом рассмотреть комнатку. Я успела заметить лишь приятные кофейные цвета интерьера и злобный оскал полнолуния, от которого кровь стыла в венах.

– Вы бы поговорили с ним, господин Ренар! Едва не зашиб девчушку своей магией! А ей всего ничего, дай богиня, если шестнадцать есть. Какая с нее невеста? Давно уж нет жела-

ющих к нам наведываться, а он все одно... Меня он не слушает, все отмахивается. Может, хоть вы на него повлияете!

– Попробую, Мариша, но ничего обещать не могу. Ты же знаешь его характер.

– С вашим приездом Ренар Холл всегда оживает. Возможно... – женщина осеклась и тяжело вздохнула, утаив свои мысли от господина.

Из разговора мне удалось уловить, что я едва не стала жертвой магии того, кто выше самого эрцгерцога! Вот только никакой магии я не почувствовала. И кто может стоять над хозяином дома?

Когда двери открылись, я не стала делать вид, будто не слышала разговора, такие игры не по мне. Смотрела прямо и открыто, с достоинством, насколько позволяло лежащее положение.

Эрцгерцог выглядел великолепно! Совсем не так, как его рисовала молва. Высокий, широкоплечий, с резкими, но приятными чертами лица, выдающими человека деятельного, властного, но не жестокого. Сеточка морщин в уголках глаз свидетельствовала о веселом и добром нраве. Но больше всего меня поразила не внешность, не прекрасные, цвета летнего неба глаза, что отчаянно напоминали о доме, и даже не идеально сидевший на нем кафтан из черного бархата, отороченный серебряной нитью. Я, затаив дыхание, любовалась волосами. Белые, почти ослепляющие, они спускались до пояса идеально ровными гладкими локонами. Я видела

исходившие от них светло-голубые волны энергии. Должно быть, маг невероятной силы, сопоставимой с силой моего ба-тюшки!

Отчаянно захотелось подняться и принять более достойное положение, но я всем телом ощущала колючую шерсть, а, значит, была обнажена. Натянув одеяло по самый подбородок, произнесла:

– Прошу прощения за неподобающий вид, ваше высочество, – почтение я могла выказать, исключительно склонением головы, что и было сделано.

– Старался вас спасти. Как мог. За всю историю существования белых времен не придумано лучшего средства для разгона крови, чем собачья шерсть на голое тело. Хотя, ваш покорный слуга предпочитает алкоголь и плотские утехы! – широко улыбнулся Джаспер, от чего мои щеки вспыхнули, как стог сена от отцовского прикосновения. Он что же, лично меня раздевал? Какой срам! Какой стыд!

– Ох, не слушайте вы этого шалопая, – женщина небрежно махнула рукой в сторону эрцгерцога и подошла ко мне.

Шалопая?

– Шалопая? – повторил мои мысли мужчина.

– Ничуть не изменился. Что в пять лет шалопаем был, когда конфеты с кухни таскал, что в тридцать пять. Все таким же и остался. Его светлость доставил вас ко мне и снял ледяные сети, а я отогрела, как еще матушка учила. Одеяло из собачьей шерсти! Неплохо бы на печи отлежаться, да камен-

ка лишь на кухне, а в остальных комнатах камины. Хозяин не очень-то любит тепло.

Это я уже успела заметить.

– Согрелась?

На лоб легла шершавая ладошка незнакомки. Я молча кивнула, пока не понимая как реагировать на происходящее, и разглядывала женщину. Невысокая, крепкая, она напоминала гриб боровичок. Добродушная улыбка и открытый, ясный взгляд располагали к себе.

– Температура спала. Все обошлось. Вы как всегда успели вовремя, господин Ренар.

– Чему несказанно рад! – он скрестил руки на груди и приклонился к дверному косяку, так и не пройдя внутрь комнаты. – Было бы жаль упустить возможность послушать историю столь великолепного создания!

– Историю? – переспросила я.

Женщина подложила под мою спину подушку, помогая сесть, и протянула кружку с горячим чаем.

– Арковый цвет. Из южных земель. Отлично справляется с простудой.

– Спасибо, – обхватила руками глиняную кружку и вдохнула родной аромат. Батюшка любил арковые деревья и даже издал приказ повсеместно их сажать, отчего наше графство во времена пробужденья купалось в сладковатом аромате маленьких розовых цветков. Мы с сестрой и братьями неоднократно испытали на себе их целительную силу, часто

мучаясь простудой в холодные времена.

– Что привело вас в наши края?

– Исключительно нужда, – ответила прямо, сделав глоток. Арковый цвет с медом! Такой эликсир и мертвого на ноги поднимет. – Я приехала, чтобы занять вакансию служанки.

Эрцгерцог в удивлении вскинул брови, а затем рассмеялся. Женщина же напротив внимательней ко мне присмотрелась.

– Латиша?

– Лайнэ. Я вместо нее. Осмелюсь предположить, что вы и есть сестра тетушки Марджери?

– Мариша, – женщина, что оказалась моей дальней родственницей, улыбнулась еще шире и обняла меня, словно родную дочь. Я не была избалована материнской лаской, от чего в объятиях чувствовала себя не комфортно. Впрочем, приняла их с благодарностью и улыбкой.

– Подождите, – вмешался Джаспер, наконец, сделав несколько шагов вглубь комнаты. – То есть, это твоя родственница?

– Дальняя, – подтвердила женщина. – Но кровь есть кровь, вам ли не знать.

– Но она же не крестьянка. Вы не крестьянка, – не спрашивал, а утверждал мужчина. Пришлось сознаться.

– Нет. Но не переживайте. Я приучена к труду и смогу выполнять любую работу по дому либо уходу за скотиной.

– Представьте, – потребовал мужчина. Я вновь смути-

лась невозможности подняться и склониться в поклоне.

— Ее сиятельство графиня Лайнэ Валентайн Найтванширская. К вашим услугам, господин.

— Графство Найтваншир, — задумался он, заложив руки за спину. — Батюшка одобряет подобную занятость дочерей?

— Госпожа смерть распорядилась забрать его от нас, — мне по-прежнему было тяжело говорить о батюшке. У нас с ним была особая связь, не такая, как с матерью. И, когда эта связь прервалась, мне показалось, что я потеряла опору под ногами и рухнула вниз. Вот уже столько циклов я по-прежнему лечу в бездну, отчаянно взбивая руками воздух и не имея возможности остановиться. Отвернулась к окну и проморгалась, чтобы не допустить слез.

— Вот как...

— Заверяю, что...

— Что здесь происходит? — донесся от двери властный сухой голос, вмиг выбивший из головы все мысли.

Джаспер подобрался и слегка кивнул, а Мариша склонилась в глубоком реверансе.

Мужчина, на голову выше Джаспера, с неодобрением смотрел на присутствующих, игнорируя меня. Весь облик почтенного господина выдавал волевого и сильного человека, не терпящего беспорядка или неподчинения. Сердце замерло от страха, но я с интересом разглядывала присутствующего. Длинные белые волосы забраны сверху в тугую косу, а снизу спускаются каскадом до пояса — свидетельство

сильного мага. Должно быть, его стараниями я едва не последовала за батюшкой. Губы мужчины плотно сжаты в узкую линию – явно сдерживал эмоции. Резкие черты лица не были смягчены улыбкой или добротой глаз, как у Джаспера. Внешнее сходство позволяло предположить, что они родственники. Образ незнакомца, несмотря на приятную наружность, пугал и отталкивал. Единственное, что привлекало внимание – взгляд, в котором читались отголоски отчаяния и боли. Это взгляд смертельно раненого зверя, который понимает, что обречен, но отчаянно цепляется за жизнь, не желая принимать действительность.

– Прибыла новая служанка. Жива, – спешно добавила Мариша. Я вздрогнула. Голос женщины в напряженной тишине прозвучал, словно порвавшаяся струна.

Я с тревогой и необъяснимым волнением ждала, что господин обратится ко мне, но он лишь бегло коснулся меня взглядом, развернулся и вышел. Тишина царствовала еще пару минуток, а давящая атмосфера разряжалась слишком медленно.

– Что ж, это хорошо. Хорошо, – едва слышно резюмировала Мариша. Но я не была так уверена. Неизвестному господину я не понравилась. Если он вообще заметил мое присутствие.

– А кто это был?

– Как кто? – удивилась женщина. – Хозяин. Его высочество.

Я перевела непонимающий взгляд на Джаспера.

– Виновен, каюсь, – он шутливо поднял кверху ладошки, словно сдавался. – Всего лишь племянник. Но вы так трепетно ко мне относились, что не устоял. Готов искупить вину!

– Ничего не понимаю, – устало вздохнула я.

– Господин Ренар, Лайнэ следует хорошенько отдохнуть. Раз его высочество ее одобрил, завтра будет тяжелый день.

– Разве одобрил? – усомнилась я. Отчего-то подобное пренебрежение больно задело мое самолюбие. Мне хотелось узнать о хозяине Ренар Холла чуть больше. Внешность может обмануть, но глаза – никогда.

– Если бы не одобрил, пургой бы отсюда выгнал.

Я перевела недоверчивый взгляд на Джаспера, в поисках подтверждения слов тетушки.

– Все так. Характер у моего дяди весьма скверный. Я поговорю с ним. Попрошу быть более дружелюбным. Но ничего не могу обещать, леди Валентайн.

– Можете, – не согласилась я. – Можете обещать, что не станете обращаться ко мне подобным образом, ни по титулу учтивости, ни по титулу графини. Мне бы не хотелось, чтобы в поместье ходили слухи, а другие слуги шушукались за моей спиной.

– Вы полны загадок, графиня. И я обязательно их разгадаю.

– Потом будете разгадывать. Сейчас Лайнэ следует отдохнуть, а мне получить от эрцгерцога распоряжения на ее счет.

- Добрых снов, леди Валентайн, – шутливо подчиняясь распоряжениям тетушки Мариши, пожелал мужчина.
- Добрых снов, ваша светлость.
- Отдыхай, дорогая и ни о чем не думай.

Но, как только дверь была закрыта, а я осталась одна, мысли, вопреки пожеланиям тетушки, хлынули бурным потоком и кидались на меня, как волки на раненого олененка. А перед глазами стоял взгляд, полный отчаяния и боли... Взгляд моего хозяина. Стоило привыкнуть к мысли, что теперь я не принадлежу себе, и моя дальнейшая жизнь будет зависеть от благорасположения таинственного и угрюмого его высочества.

Проворочавшись в постели до рассвета, я встретила новый день в скверном расположении духа. Не то, чтобы я была избалована комфортом, последние годы приучили меня и спать в стогу сена, и довольствоваться на обед хлебом с молоком, но атмосфера поместья откровенно пугала. Стоило задремать, как будил скрип ставен, болтавшихся от ветра и нет-нет, ударявших в стену замка. Или мешали мысли, одна другой страшнее. Что, если я не понравлюсь хозяину дома, и он отправит меня обратно? Конечно, это не так страшно, как замерзнуть заживо на пороге его дома, но все равно... Я не могу подвести свою семью, не могу не оправдать их надежд.

Чувство долга, страх перед неизвестностью, стыд за неподобающий вид и любопытство – все сплелось в сознании в кошмарный круговорот. Мысли, казалось, превратились в

импов и принялись водить хороводы вокруг кровати. Крики петухов окончательно прогнали жалкие обрывки сна и иллюзии, что этой ночью я смогу отдохнуть. Выплюсь позже. Мне не привыкать.

Закутавшись в колючее одеяло, я поднялась и в неверном свете просыпающегося солнца, которое еще не показало свой лик, но уже волновало горизонт золотисто-рыжей дымкой, пыталась найти свою одежду. Платяной шкаф оказался пуст, прикроватная тумба – тоже. Меня расположили в свободной комнате, которая, тем не менее, была наполнена уютом, несмотря на скромные размеры и простоту убранства. Понимая, что одежды здесь нет, решила дожидаться Мариши. Провела пальчиком по корешкам книг, погладила мягкую шершавую ткань кресла, подошла к окну и замерла.

Замок располагался высоко на горе. Внизу виднелась россыпь крестьянских домов, черные прожилки дорожек и мощеных дорог, по которым уже семенили сонные крестьяне и лениво двигались повозки с грузом. Из деревянных домиков столбом шел густой чуть синеватый дым, так не похожий на легкий дымок, пускаемый трубами домов в Ротмире. Но больше всего поразило другое... Вместо привычной и родной сердцу зелени, разбавленной пестрыми пятнами цветов, я смотрела на белоснежный пуховый платок, покрытый сияющими в лучах просыпающегося солнца камнями, которым щеголяла земля. Казалось, она даже гордилась своим убран-

ством. Так гармонично и необычайно нежно смотрелся снег на полях и крышах домов. А парящие за окном большие пушистые снежинки так и хотелось потрогать, почувствовать, как они, теряя свой холод, растают на теплой ладошке...

– Так какая была магия?

Голос Джаспера прозвучал настолько неожиданно, что я вздрогнула и едва не потеряла одеяло. Ироничный взгляд заставил пожалеть, что я не накрыла плечи, а собрала одеяло возле груди. Как мужчина оказался в комнате? Дверь закрыта, шума я не слышала, он словно скользнул сквозняком. Или... морозное дуновение мне не причудилось?

– Ваша светлость, – склонилась в легком реверансе и поднялась. – Вынуждена снова извиниться за неподобающий вид, но я не знаю, где моя одежда.

– И часто с вами такое? – прохладные ладони прошлись по оголенным плечам, и кожа моментально отреагировала мурашками. Холодный. Почти ледяной!

– Господин Ренар, вы меня смущаете, – я привыкла прямо говорить о своих чувствах, хоть и в деликатной манере. Джаспер не смущал меня, а откровенно пугал и... волновал? Мужчины прежде не касались меня так откровенно.

– Привыкайте! Я решил задержаться у дядюшки, так что мы с вами будем видеться довольно много.

– Вы намерено вгоняете меня в краску, заявляя, что будете продолжать врываться в мои покои, когда я не одета?

– Строго говоря, покои не ваши, – резонно обозначил он,

накидывая на мои плечи свой меховой полушубок, оставшийся на кровати. – Но идея кажется мне весьма привлекательной, и я уверен, представится еще немало удобных случаев заставить ваши загорелые щечки пылать алыми ягодками.

Что ж. По крайней мере становятся ясны его намерения. Маг не станет посягать на мою невинность, а его намеки и жесты не более чем игра на грани дозволенного.

– Вопрос о магии. Вы не ответили.

– Мне нечего ответить, – едва слышно произнесла я, робея от недозволительной близости. – Господин Ренар... ваша светлость... не могли бы вы...

– Не мог бы что?

– Не могли бы вы отойти? – наконец, отважилась сформулировать просьбу и смело подняла взгляд. Мужчина, задорно улыбнувшись, сделал шаг назад.

– Достаточно?

– Вы знаете, правила приличия ограничивают расстояние длиной вытянутой руки, – напомнила и без того известные мужчине нормы, принятые в обществе. Нормы, которыми он, очевидно, часто пренебрегал.

– Вы умело уходите от ответа, графиня. Но вопрос не был задан из праздного любопытства. Дело в том, что я нашел вас исключительно по вспышке магии. В замке дядюшки я проверяю службу безопасности. Ваше счастье, что вчера я находился в вечернем патруле и почувствовал всплеск маги-

ческой энергии. Как вы можете это объяснить?

– Своей исключительной удачливостью, – подтвердила, не желая сознаваться в наличии способностей.

Я четко помнила наказ батюшки: никогда и никому не рассказывать о даре. Даже матушка убеждена, что из меня ничего не вышло, и отцовская сила канула в реку Забвения. Батюшка учил: дар солнца – крайне редкий и настолько ценный, что его следует скрывать даже от близких. Увы, обстоятельных объяснений я не успела получить, поскольку граф Валентайн скончался при невыясненных обстоятельствах. Если более точно – он исчез. А через месяц из столицы пришла записка от его поверенных с соболезнованиями. Мы не получили никаких подробностей, не видели тела и даже не могли похоронить его с почестями, потому что хоронить было нечего. «Погиб, защищая его величество. Вечная слава». Эти слова выгравированы скорбью на моем сердце. Эти слова семенами ненависти к королю легли в мою душу...

Для почтенного господина нет ничего хуже, чем невозможность покоиться в фамильном склепе. Для потомков же важно место, куда можно прийти оплакать ушедшего... У нас такого места не было, а потому я оплакивала потерю, обращаясь к солнцу.

Вот и сейчас Джаспер, который внушал доверие и необъяснимым образом располагал к себе, просил раскрыть ему секрет. Слугам и поверенным отец представлялся магом общей практики и лекарем. Стоит ли прикрыться подобными

умениями? Или вовсе утаить наличие, пусть жалких, но все же осколков магической силы?

– Значит, не сознаетесь?

– Мне не в чем сознаваться, ваша светлость. Я была бы счастлива предоставить вам ответы, которые вы так ищете. Но моя невежественность позволяет лишь предположить, что мне несказанно повезло оказаться рядом с источником той силы, которую вы почувствовали.

При этом невинный взгляд, искренняя улыбка и самая капелька солнечного тепла, чтобы умягчить сердце собеседника. Я прибегала к этому трюку каждый раз, когда требовалось уговорить кредиторов отложить на несколько дней или недель дату очередного платежа по налогам или долговым обязательствам отца, и каждый раз срабатывало. Вот только господин Ренар, вместо ответной улыбки, сжал зубы и кулаки.

– *Берегись магов холода, Лайнэ... они приведут к твоей гибели...*

В памяти вспыхнуло воспоминание о событии, которого не было. Я явственно слышала голос отца, который не спутаю ни с чьим, однако также явственно помнила: он никогда не говорил подобного. Могло ли воспоминание быть фантомом?

– Графиня с тайнами в служанках брата короля... Есть в этом тонкая ирония, не находите? – внутри мужчины что-то изменилось. Легкость и веселость бесследно исчезли, усту-

пив место подозрительности и настороженности.

– Мне сложно иронизировать на эту тему, прошу меня извинить.

– Слишком много извинений для дамы вашего положения.

– В чем вы меня подозреваете, герцог? С радостью развею ваши сомнения по поводу своей благонадежности...

– Ваша благонадежность...

– Джаспер!!! – недовольно воскликнула тетушка Мариша, раскрыв двери. – Да что же это за наказание? Ты хуже Рысика! Только отвернешься, а он уже утку со стола стащит.

– Все утки целы, слово дворянина! И сравнение с твоим пушистым любимцем мне, несомненно, льстит. Мариша, но...

– Но нечего господину делать в комнате незамужней девушки, которая, к тому же, не одета!

– На ней меховой полушубок и... – Джаспер, вернув непринужденность и прежнее веселье, окинул меня плутоватым взглядом, в поисках того самого «и». – И платье из одеяла.

– А ну брысь отсюда, плут! – притопнула женщина и шуточно пригрозила мужчине кулаком.

Выходя из комнаты, он посмотрел в мою сторону. Казалось, аквамариновые глаза сверкнули, на что кожа мгновенно отреагировала мурашками, а огонек тепла, созданный в груди, был сметен ледяной волной. Еще долгое время после

его ухода я ощущала ледяной осколок в груди, который таял слишком медленно, ворочаясь и принося боль.

– Ох уж этот племянник господина! Ты не обращай внимания. Он хоть и бесцеремонный, но зла творить не станет, – тетушка сложила ворох одежды на кровать и подозвала меня к себе. – Не обидел?

– Скорее, напугал, – позволив снять с себя полушубок, обозначила я. – У вас слишком вольные отношения с господином.

– Он рос на моих глазах. Вот этими руками я его мокрые штанишки стирала и обнимала, когда он плакал от обиды и боли. Больше-то некому было...

– А что же матушка? – как-то само собой получилось, что тетушка Мариша помогала мне одеваться, словно я вернулась в прошлое, когда это делали слуги.

– Умерла в родах. Заботу о мальчишке взяла на себя его тетушка. Матушка его высочества.

– Королева? Ой, – я дернулась от неожиданности, когда женщина слишком туго затянула шнуровку на спине.

– Сестра королевы. Эрцгерцог – кузен короля.

– Бедный мальчик. Должно быть, тяжело расти без матери... Хорошо, что он не был одинок.

– Ох, Лайнэ. Тебе ли не знать нравы знатных господ?

Увы, но я знала их как никто иной, поскольку сама росла в семье, где близость с матушкой не поощрялась. Материнская ласка и забота – явления очень редкие и в детстве мне их

недоставало... Возможно, их недоставало и эрцгерцогу? От того в его глазах такая беспросветная тоска?

– А эрцгерцог?

– Лэни, дорогушенька. Запомни хорошенько главное правило, которое поможет тебе жить и работать в этом поместье. Все, что касается хозяина дома – под запретом. Просто забудь о его существовании. Он не так часто бывает в Ренар Холле и, возможно, вам даже не придется видеться, а потому не забивай свою ясную головушку!

Она подвела меня к зеркалу, позволяя оценить свою работу. Скромное, но элегантное платье из темно-синей шерсти смотрелось идеально, несмотря на простоту фасона. Шея прикрыта воротником-стойкой, длинные рукава надежно защищают от промозглости, талия утянута шнуровкой, а от пояса опускается пышная юбка с подъюбниками.

– Я перебрала твою одежду, но не нашла ничего, что может пригодиться в замке. Здесь слишком холодно и влажно для летних сарафанов. В такой одежде ты быстро заболеешь воспалением легких. А это платье давно пылится в подсобке. Подумала, если впору – носи. Идем, я провожу тебя в твою комнату и заодно покажу поместье.

Я не стала спорить, еще раз бросив быстрый взгляд в зеркало и поправив парик. Было не привычно без водопада золотистых волос, обнимающих плечи и спину...

Когда мы вышли в коридор, выложенный светло-голубым камнем, то холод обнял колючими щупальцами, пытался

побрататься под платье и схватить меня за коленки. Показалось, словно он был самостоятельным жителем этого замка, с которым придется считаться. Или я, как маг солнца, слишком остро на него реагирую?

Относительное тепло комнаты, в которой я проснулась, больше не возвращалось. Тетушка вела меня по восхитительному поместью, красивей которого я в своей жизни не видела. Но сложно представить, чтобы среди роскошных экспонатов, было удобно или приятно жить. Создавалось впечатление, что меня ведут по музею, где каждый новый поворот открывает удивительные миры, какой-то иной, не настоящей жизни. Жизни с книжных страниц романов о принцессах и королях. Возможно, под крышей замка – темница для узников, в одном из коридоров, отделанных холодным александритом, живет привидение, а в подвале сокровища стережет дракон.

– Здесь, – пропуская меня вперед, улыбнулась Мариша, – центральный вход для господ. В дневное время слугам появляться в этом месте не положено, а, если имеется необходимость, то следует шмыгнуть тенью, чтобы не мешать хозяевам. Все передвижения в господской части ранним утром или ночью. Остальное время стараемся пользоваться коридорами для прислуги.

– Хозяевам? – проводя пальчиком по гладкому лакированному дереву перил, я вспомнила наш особняк, где мы были так счастливы при жизни батюшки. Только, если на вто-

рой этаж нашего дома вела узкая винтовая лестница, то в Ренар Холле лестница была широкой, и второй пролет делился надвое. Продолжила свою мысль после некоторого молчания: – Я думала, его высочество не женат.

– Не женат, – голос женщины выдал ее беспокойство. – Но все может измениться, рано или поздно. Должно бы уже, наконец, – добавила она чуть слышно, скорее, для себя, но я услышала. Впрочем, воспитание не позволило углубиться в эту тему, хотя природное любопытство грызло изнутри мышкой полевкой.

Второй этаж, жилой, мне показался более уютным. Несмотря на малое количество окон, света было достаточно. Его источали большие голубые кристаллы на стенах и напольных подсвечниках. Только, если в обычных домах подсвечники созданы для свечей, то в Ренар Холле эти правила попирались. Огня не было нигде. Только ледяные полупрозрачные камни, окруженные туманом и источающие голубоватое сияние и холод.

– Здесь комнаты его высочества. Вход в них без распоряжения господина строго запрещен. Нарушение запрета карается немедленным увольнением. Здесь, – мы прошли просторную гостевую залу и свернули в другой коридор, – кабинет господина Ренара и библиотека.

– Библиотека? – я остановилась и с интересом глянула на деревянную дверь с простым геометрическим рисунком.

– Любишь читать, дорогая?

– За неимением возможности заниматься рисованием или иными видами рукоделия, чтение было моим спасением в последние годы. Уверена, у господина прекрасное собрание сочинений!

– Одно из лучших во всей державе! – с гордостью выпрямилась женщина и повела меня дальше. – Не так давно к нам приезжали монахи из Егилайского монастыря, чтобы изучить какой-то древний манускрипт или сверток, – она резко замолчала и сменила тему. – Ты можешь там бывать. Рано утром или ночью, когда все спят. Чтобы не помешать его высочеству.

– Спасибо, – я втайне надеялась, что одно из лучших собраний сочинений во всей державе поможет найти ответ на вопрос о сущности силы, что мне досталась от батюшки.

Мы прошли еще несколько пролетов, комнат, залов и холлов, прежде, чем добрались до крыла прислуги. Тетушка Мариша достала из кармана пригоршню разноцветных камушков и предложила:

– Выбирай.

– Что это?

– Ключ от комнаты.

Я лишь слышала о магических ключах-кристаллах, но батюшка не поощрял артефакты, а потому в нашем доме таких не водилось. Выбрав красный, я назвалась полным именем. Тетушка приложила камушек к выемке возле двери и, после того, как по косяку прошелся красноватый туман, объявила:

– Твои покои. Открыть сможешь лишь ты и хозяин, разумеется. Открывай.

– Лайнэ Валентайн.

По двери, словно по озерной глади, прошла красноватая рябь, и ручка-крючок опустилась вниз. С полуулыбкой я взялась за нее и вошла внутрь, испытывая легкое волнение.

Все тот же холод, что и в остальных частях замка. Но, в отличие от других мест, здесь имелся камин.

Комната, в которой предстояло жить, мне понравилась. По дворянским меркам довольно скромная, а по деревенским – богатая. На стенах – бумажные обои с морозными васильками, на полу белый ковер, потрепанный временем, но придающий комнате домашний уют. На окнах грубые синие занавески, такого же цвета одеяло на кровати, поверх которого паласы с незаконченной вышивкой маков. Я вмиг утратила интерес к убранству комнаты, в которой имелось все необходимое для жизни, и аккуратно взяла чужую работу.

– Красиво, – провела пальчиками по шершавым крестикам вышивки, вспоминая, как сама когда-то могла часами напролет вышивать в саду, наблюдая, как резвятся на солнце отцовские псы. Ткань была покрыта слоем пыли, но я могла ее легко очистить.

– Ой, это, должно быть, от предыдущей служанки осталось, – тетушка Мариша подошла ближе, разглядывая вышивку. – Точно от нее. Я уберу...

– А можно... можно оставить? Я так давно не вышивала,

что пальцы ломит от желания продолжить эту картину. Пожалуйста, тетушка!

– А, – отмахнулась она, – все равно за ней никто уже не вернется. Вышивай, коли умеешь да нравится. Только никому не показывай и из комнаты не выноси, – добавила она изменившимся голосом.

– Хозяин не одобряет занятия слуг?

Но тетушка ничего не ответила. Я положила вышивку на туалетный столик, где заметила еще одну вещьцу предыдущей хозяйки.

– Это она? – подняла нарисованный портрет женщины. Короткая стрижка, такое же синее платье, как на мне, только с белым воротничком. Красивые зеленые глаза, полные жизни, смотрели на меня с надеждой. – Очень красивая.

– Да что же это такое?! – возмутилась Мариша, забирая из моих рук портрет. – Сделаю выговор Летиции. Она должна была убрать эту комнату к приезду Латиши, но, видимо, опять предпочла провести время с конюхом! Уж я ей устрою! Пойдем, найдем для тебя другую...

– Не стоит, – я остановила женщину, которая по непонятной причине разозлилась, увидев в моих руках изображение бывшей служанки. – Мне здесь нравится, правда. К тому же, я не хозяйка в этом доме и не гостя. Приберу сама, вы только покажите, где что лежит и где уборная.

Тетушка вздохнула, убирая портрет девушки в карман платья и объяснила:

– Уборная в конце коридора, ночной горшок под кроватью. Баня на восьмой день недели. Если нужно помыться раньше, то в постирочной можно взять тазик и найти теплой воды...

Я съезжилась от предстоящей перспективы. Мыться раз в неделю? В детстве мы, как и все дворяне, ходили в баню дважды в неделю: на четвертый и на восьмой дни. Каждый день принимали душевые процедуры и умывались. К тому же батюшка, маг солнца, изготовил артефакт, благодаря которому трубы всегда давали горячую воду в нужном количестве, и не было нужды ее экономить. Моя любовь к горячей воде находилась под угрозой. Как же отогреться в этом ледяном дворце, не имея ни огня, ни постоянного источника тепла? Разве что самой колдовать и практиковаться.

– Могу я растопить камин?

– Эрдан вскоре принесет твои вещи, поговори с ним об этом, – достав из кармана платья временной кристалл на цепочке, Мариша вскинула брови. – Совсем заболтались. Освоишься – сразу спускайся к завтраку, Эрдан как раз проводит в крыло прислуги. После завтрака собрание. Я распределяю обязанности на день. Ты сегодня начнешь с привычного – будешь прислуживать господам за столом. Этикет знаешь, очередность блюд тоже. Дальше посмотрим, куда тебя пристроить. Замок большой, работы много. Подумай, чем бы хотела заниматься, туда тебя и определяю.

– Хорошо иметь тетушку в экономках, – улыбнулась я. –

А можно еще вопрос?

– Только скоро, у меня еще множество дел!

– Почему нужно стричь волосы?

Она с сожалением посмотрела на мою прическу и вздохнула:

– Ох, дорогая. Не горюй, они быстро отрастают, но их все равно придется стричь. У эрцгерцога много врагов...

Продолжать она не стала и ушла, оставив меня наедине с новой комнатой и мыслями. Господин Ренар должно быть крайне мнительный человек, раз подозревает, что среди слуг могут оказаться маги-шпионы. Либо его государственная должность к этому обязывает. Стало интересно, чем занимается брат короля...

Когда осталась одна, пришлось обличить себя в лукавстве. Если где в замке и могли водиться привидения, то наверняка здесь. Мне отчаянно чудился взгляд в затылок, отчего холодок пробежался по спине каждый раз, когда оборачивалась, но никого не находила.

Ожидание Эрлана в пустой комнате без вещей оказалось невыносимым. Я выглянула в окно, выходящее во внешний двор. Привыкнуть к необычным снежным пейзажам будет непросто. Из окна моей комнаты видно всех, кто въезжает и выезжает из замка. Вот и сейчас взору предстала удивительная картина: господин Ренар и его племянник въезжали через массивные ворота на необыкновенных животных, внешне напоминавших коней. Но вместо гривы – снежный буран,

а вместо хвоста метель заметала следы. Или животные даже не касались земли, выбивая снежные искры прямо из воздуха.

Мужчины остановились посреди двора и к ним тотчас подбежали слуги. Я залюбовалась хозяином дома. Он умело держался на спине животного, удерживая в руках серебристые тонкие нити, видимо, заменявшие поводья. Сколько ему лет? Старше Джаспера, это очевидно, но насколько?

– Любуешься господином?

Голос Эрдана заставил вздрогнуть и отскочить от окна, словно меня поймали за неблаговидным занятием. Ведь я и правда жадно разглядывала мужчину, что непозволительно ни для леди, ни, тем более, для служанки. Холодный таинственный образ так и манил к себе.

– Как вы... – посмотрела на открытую дверь и на пожилого мужчину. – Дверь же заговорена...

– Так ведь закрывать надо, чтобы заговор действовал. В замке закон такой: открыто – значит заходи, а закрыто – значит, не велено... Хорош, господин, правда?

Эрдан отодвинул шторку и выглянул на улицу.

– И со слугами добр, не обидит никогда.

– Хорош, но слишком суров, – я наблюдала, как его высочество ловко прыгнул с животного и, сунув перчатки с шапкой слугам, подошел к Джасперу. Мужчины вели напряженный разговор. – Со мной и словом не обмолвился.

– Как же так? Ты ему очень понравилась! Если будешь

внимательна и обходительна, может, в замок к себе заберет. Он часто молодых прислужниц забирает...

– Вы к чему клоните? – возмутилась. – Я не собираюсь становиться любовницей эрцгерцога!

– А кто ж о нем говорит?

– Эрдан, верно? – мужчина кивнул, простодушно улыбаясь. Он явно не понимал, что задел девичью честь неуместными намеками, а потому я не стала акцентировать на этом внимание. Возможно, среди других слуг подобные разговоры и желания распространены, но я не намеревалась становиться любовницей ни Джаспера, ни эрцгерцога, хотя таинственная фигура последнего никак не давала покоя. – Сколько лет эрцгерцогу?

– А мне по чем знать. Молодой, здоровый и то ладно. Значит, работой обеспечит и жалование исправно заплатит. Мое дело нехитрое – тут принеси, там подай, здесь помоги. Тем и живу... Ты лучше на Джаспера заглядывайся. Девки, что в его замок перебрались, потом мне письма с благодарностями шлют. Уж больно хорошо им там живется...

– Спасибо, я приму к сведению, – чуть нервно произнесла я, отходя от окна. Отчего-то все в Ренар Холле, как только вопрос касался хозяина, переводили тему разговора. Эрдан, конечно, прав, в слугах ценится исполнительность, совать нос в дела господ – недозволительное занятие, но, поскольку, я воспитывалась вольно, не как слуга, интерес заглушить не получалось. Я планировала со временем раскрыть тайну

личности господина Ренара.

– Ладно, деточка, пойдем, завтрак готов. Времени мало.

Я убрала сумку с вещами в шкаф и отправилась вслед за мужчиной, попутно узнав, что ни свечей, ни огня в замке не водится.

– А как же кухня? Там что, тоже огня нет?

– Вот, пожалуй, только на кухне и водится, – задумался Эрдан. – Давно я уже огня живого не видывал, если честно.

– И как же вы живете в таком холоде?

– Привычка, – он пожал плечами. – Мариша говорит, главное, чтоб душа не была холодной, а тело все стерпит.

Я все больше убеждалась в простодушии Эрдаана и в том, что грубыми намеками ранее он не хотел меня обидеть или унижить. Для дворовых девок и служанок действительно возможность стать любовницей хозяина чуть ли не единственная для получения благ и привилегий. Помню, как зеленая змея ревности жалила матушку каждый раз, когда в доме появлялась новая служанка. Батюшка – красивый и богатый дворянин приковывал к себе взгляды, как знатных красавиц, так и желающих выбиться в люди простолюдинок. Поскольку женитьба на женщине без титула не лишает титула их детей, неравные браки в нашей державе дозволяются, но не поощряются ни церковью, ни королем. Считается, что род, разбавивший кровь с простолюдинами, постепенно вымрет. Не знаю, насколько это правда, поскольку родители имели равные титулы, а неравных браков я не встречала. С детства

батюшка воспитывал меня в духе либеральных идей свободных держав, где все люди равны по праву рождения. Слуги любили своего хозяина, ведь он общался с ними как с партнерами по работе, а не как с рабами...

Выплыв из грез прошлого, я снова столкнулась с ледящей душу и тело реальностью. Эрдан вел холодными музейными коридорами, сверкающими драгоценными камнями и ледяными кристаллами и мне все больше не верилось, что в таких условиях можно жить все время...

– Неужели у вас не бывает теплых времен? – я знала ответ, тем не менее, надеялась услышать обратное.

– Теперь не бывает, – подтвердил худшие опасения мужчина. – Белые времена всегда, так что твои сарафаны тебе не пригодятся.

– И всегда так было?

Эрдан остановился перед аркой, ведущей, видимо, в столовую, и задумался, вспоминая:

– Циклов пять назад все цвело пышным цветом. Красивей поместья, чем Ренар Холл в округе не было. Да что там в округе! Во всей державе! Это точно, да...

– И что случилось пять циклов назад?

Мужчина изменился в лице, побледнел, словно его заморозили изнутри, а по его лицу поползла паутинка ледяных узоров...

– Эрдан! – воскликнула в ужасе, рефлекторно ухватившись ладонями за его лицо. Морозные узоры тут же отсту-

пили под жаром моих пальцев, на кончиках которых теплилась солнечная энергия.

– Эрдан! – недовольно вскрикнула Мариша. – Ну, сколько можно говорить! Уже за шестьдесят перевалило, а ничему жизнь не учит! Хуже бабы дворовой!

Тетушка накинулась на Эрдана едва ли не с кулаками. Мужчина, придя в себя, виновато сгорбился и, даже не глянув на меня, засеменял прочь.

– Лайнэ, я ведь предупреждала!

– О чем? – сама бледная, как накрахмаленная скатерть на Великий праздник белых времен, переспросила я.

– Твои расспросы о господине до добра не доведут! Не суй свой нос в дела господ. Живи, как полагается слугам. Понимаю, твое воспитание не позволяет смириться с участью, но, раз уж ты ее сама для себя выбрала, старайся соответствовать. Ведь правила совсем не сложные...

– Мы просто разговаривали...

– Просто да не просто. Есть темы, которые в этом доме поднимать не дозволено под страхом...

– Смерти? – я в ужасе вскинула брови. Образ кровожадного монстра, вырисовавшийся в голове, никак не согласовывался с фигурой эрцгерцога, даже сурового и нелюдимого.

– Иные наказания похуже смерти будут. Я тебя предупредила, голубушка. О господине ни слова! Поняла?

– Поняла...

Всмотревшись в мое лицо, словно пытаюсь увидеть там

степень моей понятливости, тетушка вздохнула, стиснула меня в крепких объятиях, словно я чудом избежала смерти и, взяв за локоток, повела под арку. Я не ошиблась. За поворотом оказалась столовая для слуг. Стоило нам с тетушкой появиться, как присутствующие замолчали и замерли, разглядывая меня с ног до головы, как георгин, расцветший посреди сугробов. Если бы не воспитание – прогнулась бы под тяжестью этих взглядов: оценивающие, недовольные, завистливые, гневные и... несколько робких и любопытных. Однако негативная эмоция перевешивала остальные. Можно было сказать с уверенностью: меня здесь невзлюбили с первого взгляда. Вот только почему?

Вспомнив наставления батюшки, а так же свое происхождение, я вскинула подбородок, выпрямила спину и с достоинством склонилась в неполном реверансе.

– Доброе утро.

В ответ получила рассеянные тихие приветствия и вялые кивки.

– Так, мои дорогие. Это Лайнэ, новая служанка, прошу любить и жаловать. Летиция, не пытайся испепелить ее взглядом, у тебя все равно ничего не получится. Свой выговор ты заработала из-за халатности, а не по вине новенькой.

– Конечно, сегодня даже в среде слуг протекция, – фыркнула она.

Тетушка хотела заступиться, но я остановила ее и, мягко улыбнувшись, ответила:

– Мне жаль, что из-за моего приезда у вас случились неприятности. Надеюсь, они не станут причиной нашего раздора. Я девушка простая и открытая, живу по правилу: как человек относится ко мне, так и я к нему. Очень верю, что у нас с вами сложатся замечательные рабочие отношения.

Добрая улыбка, капелька теплой солнечной магии и взгляды присутствующих также потеплели. Я любила это ощущение. Когда используешь магию для добрых целей, на душе становится хорошо и светло.

– Хорошо, – хлопнула в ладоши тетушка и вырвала присутствующих из легкого оцепенения. – А теперь завтракать да поживее! Господа уже вернулись, и просили накрыть в малой столовой. Эриша, на перилах в гостевом крыле пыль толщиной с саомнение господина Паульса, который, к слову, сегодня собирался наведаться. Сразу после завтрака туда.

– Но патронесса Алисан, я еще не закончила в гостевых комнатах вчера!

– Впредь будешь делать хорошо и с первого раза, – командовала тетушка и, приструнив присутствующих суровым взглядом, вышла, оставив меня один на один с незнакомым коллективом. Влиять на сознание людей я не умела, могла лишь несколько умягчить сердца, потому особого дружелюбия к моей персоне никто не выказывал.

Слуги сидели за длинным столом так плотно, что иголке упасть было некуда. Кухарка сунула мне тарелку с овощным рагу, вилку и кружку с горячим чаем. Мало того, что вил-

ка была алюминиевая, так еще и кружка со сколотым краем. Смиренно приняв новую участь, я посмотрела на коллег, которые тут же опустили глаза и принялись жевать. Бойкот? Что ж, я и стоя поем, не гордая.

Заметив мое замешательство, одна из девушек подозвала к себе и, подвинувшись, пригласила сесть рядом. Мне пришлось некрасиво задирать юбки, чтобы занять освободившееся место, поскольку соседи по лавке отказались вставать и пропускать меня. Кажется, трудовые будни будут нелегкими...

– Не обращай внимания, в Ренар Холле не любят чужаков. Но они привыкнут. Я Айра, – девушка с большими голубыми глазами и короткими русыми волосами смотрела открыто и искренне.

– Приятно познакомиться, Айра, – я поставила тарелку с кружкой на стол и огляделась в поисках салфеток. Даже в Ротмире мы могли себе позволить салфетки для трапезы, здесь же таковых не было.

– Мы все как одна большая семья! А патронесса Алисан наша матушка. Конечно, у меня своя матушка есть, она здесь на шахте работает, но патронессу мы тоже очень любим. Она строгая, правда, бывает, но справедливая. Если прилетает, то по делу всегда. А еще...

Айра все щебетала и щебетала, а я, ковыряя вилкой в тарелке, думала лишь о том, что девушка может стать бесценным источником информации. С ее непосредственностью

она и не поймет моего чрезмерного любопытства. Кроме того, мне не помешает тепло дружбы в этом царстве холода.

– И давно у вас не появлялись чужаки?

– Давненько, – ловко складывая в рот содержимое тарелки, ответила Айра. – Цикла три назад сменилось несколько слуг, говорят. Но при мне ты первая. Раньше я на шахте работала, а потом меня в дом привели. Кто ж по доброй воле уйдет от его высочества? А ты чего не ешь совсем?

– Аппетита нет...

– Хех, недельку поработаешь, будешь сметать все с тарелки и остатки облизывать!

Я возмутилась одной только мысли, что графиня Валентайн будет облизывать тарелки.

– Эрцгерцог экономит на еде для слуг?

– Экономит? – звонко рассмеялась Айра, чем привлекла внимание других слуг. Отмахнувшись, продолжила не так громко: – Его доход – тридцать миллионов золотых в цикл, зачем ему экономить?

– Сколько? – от удивления я неприлично выпучила глаза, но быстро взяла себя в руки. Соседка подняла брови и закивала, убеждая, что не лукавит. Доход батюшки, насколько я смогла разобраться в бумагах, составлял чуть более четырехсот тысяч золотых, и мы при этом жили как у богини за пазухой, а тут такие несметные богатства! Зачем они одному человеку?

– Именно поэтому Летиция так бесится! Она на эрцгер-

цога глаз положила, прочит себя следующей супругой господина, а тут ты! Молодая да красивая...

– Следующей? Господин Ренар был прежде женат?

Айра выпучила глаза и, несколько раз глупо моргнув, произнесла:

– У тебя очень интересный цвет волос. Белый, почти как снег. Я всегда хотела иметь светлые волосы, но природа одарила русыми. Вот у моей прабабушки, я портрет видела, волосы были...

На середине речи Айры я переключилась в режим пассивного внимания. Медленно кивала и улыбалась, выслушивая, вероятно, историю рода Сурис. Именно такую фамилию носила моя новая знакомая. Чудесный монолог на тему генетических аномалий ее семьи, продиктованных, на мой неискушенный взгляд неверностью мужчин рода, я пропустила, поскольку мысли были заняты другим: у его высочества была жена. Куда же она делась? Убили? Убил? Умерла? Сбежала? Разводы допускаются только по дозволению короля и патриарха вместе взятых...

Загадки, одна другой интереснее, возбудили аппетит. Но, только я принялась завтракать, вошла тетушка с указаниями. Поесть я так и не успела, ибо господа ждали завтрак, а честь сервировать стол выпала мне.

– Лайнэ, дорогушенька. Ты уж постарайся, чтобы все было как надо! На завтрак выбери фарфор в легких тонах, эрцгерцог предпочитает золоту серебро. Приборы должны быть

натерты до блеска. Он не терпит грязи. И не забудь про салфетки!

– Тетушка Мариша, не переживайте. Я постараюсь угодить господам.

– Тебе придется прислуживать за завтраком, – она взяла мои руки, пытаясь утешить и подготовить. – Понимаю, будет тяжело переступить через себя, но, раз уж ты приняла такое решение...

– Все будет хорошо. Ради будущего своего рода я смирюсь. Это ненадолго, уверена. Два-три цикла и матушка, как мудрая хозяйка и распорядительница наладит хозяйство. Я смогу вернуться в Ротмир и жить прежней жизнью... Ради лучшего будущего приходится приносить жертвы и гордость – меньшая из них.

– Надеюсь, что все так, моя дорогая. Ступай.

Тетушка была права. Одно дело накрывать на стол для родных как глава семьи, с заботой и любовью, а другое – прислуживать господам в роли слуги за деньги. Все внутри меня противилось и протестовало. Мне хотелось выбрать фарфор с теплым цветочным принтом по каемке, но я была вынуждена следовать предпочтениям эрцгерцога. Мне хотелось взять салфетки с маками, но я понимала, что господа этого не одобряют. Даже мятный чай, который разливала по чашкам, был холодным, а мы всегда пили горячий... Не удержалась и согрела напитки солнечным теплом. Сизый пар взвился змейками над кружками и наполнил столовую при-

ятным ароматом. Так-то лучше!

Внутренний бунт не утихал до тех пор, пока я не приняла решение. Во-первых, не стану относиться к себе как к служанке. Скажем, представлю, что я младшая сестра, которая заботится о кузенах. Да, себя не обманешь, но гордость, во всяком случае, будет уязвлена существенно меньше. Во-вторых, чем лучше я исполняю свою роль, тем проще и благороднее будет моя работа в поместье. В конце концов, между сервировкой стола и мытьем ночных горшков господ – большая разница.

Оценив свои старания, я поправила салфетки, аккуратно свернутые треугольником и положила их поверх фарфоровых тарелок с легким серебристым узором. Еще раз убедилась, что приборы сияют ярче солнца в разгар белых времен. Все было идеально, однако чего-то все равно не хватало. Я вспомнила наши завтраки при жизни батюшки. Слуги всегда ставили на стол букет полевых цветов, которые я собирала на рассвете. Казалось бы, мелочь, но от них на душе становилось по-домашнему тепло и уютно. На кухне я видела небольшую вазу, но цветы, по понятным причинам, среди снегов не растут, а потому я решила обойтись подручными материалами. На кухне же раздобыла бумажные салфетки красного и зеленого цветов и смастерила из них розы. На уроках творчества в детстве я любила создавать подобные поделки. Получались удивительно реалистичные пышные цветки, по красоте едва ли уступающие живым, ведь в

них была вложена душа. Теперь я была довольна.

Только отошла в угол столовой и слилась с мраморной статуей, как вошли господа. Хозяин дома, не обращая внимания ни на меня, ни на дворецкого, что только прибыл, устроился за столом. В отличие от него, Джаспер улыбнулся присутствующим, а мне даже реплика досталась:

– Приятно видеть тебя одетой, – мужчина подмигнул, вероятно, помня о моей просьбе сохранить инкогнито. Но вряд ли мне удастся долго скрывать от хозяина дома свой титул. Что-то подсказывало, от господ вроде эрцгерцога хранить секреты невозможно. Вот и сейчас он впервые меня заметил. Властный и недовольный взгляд скрывал за собой другие эмоции. Я чувствовала это всей душой и, вместо обиды или неприязни от столь бесцеремонного разглядывания, испытывала лишь сострадание.

Помня наказ тетушки Мариши и правила нашего дома, запрещавшие слугам обращаться к господам, я склонилась в реверансе, краснея от неуместных намеков, которыми господин Ренар ставил меня в крайне неудобное положение. Конечно, в приличном обществе за меня должен заступиться брат, отец или матушка, но, поскольку их здесь не было, а я играла роль служанки, было положено терпеть и глотать обиды.

– Что у нас на завтрак? – весело поинтересовался племянник хозяина.

– Овсянка, господин, яйца и...

– Это еще что? – под ледяным взглядом эрцгерцога цветы, которые я мастерила, медленно покрывались инеем и опускали головки. Сердце сжалось от обиды... – Кто это сделал?

От злости глаза мужчины сверкнули белым светом, а иней с цветков, словно живой зверек, пополз по вазе и свил вокруг нее ледяное гнездышко, опушенное снегом.

– Я, ваше высочество, – не понимая причин недовольства, растерянно держала ответ.

– Немедленно убрать! – он не повышал голоса, но внутри все перевернулось от страха и холода. Губы задрожали, а глаза закрыла пелена. Я же старалась... Хотела сделать приятное! Едва сдерживая эмоции, прошептала:

– Простите, ваше высочество.

Мужчина с недовольством наблюдал, как я пытаюсь убрать со стола примерзшую вазу. Не выдержав, Джаспер рассмеялся:

– Дядя, перестань мучить слуг!

– Слугам следует думать, прежде чем делать глупости.

Прямого оскорбления я уже не выдержала и, оставив вазу в покое, поскольку очевидно, что убрать ее без магии мне не удастся, ответила:

– Глупости?!

Эрцгерцог поднял удивленный взгляд, в котором так и читалось гневное «что?». Я повторила, хоть он и не переспрашивал:

– Глупости? Я всего лишь хотела придать этому холодно-

му и одинокому месту капельку домашнего тепла! Только и всего.

– И чай горячий по этой причине? – тонкая ирония, приправленная ядом.

– Чтоб отогреться...

– Что-то еще? – обманчиво добрым голосом полюбопытствовал он.

По телу прошел озноб, словно кто-то ледяными пальцами медленно, очень осторожно проводил вдоль моего позвоночника. Я отчетливо ощущала, как морозные прикосновения опускаются ниже, очерчивают талию, перемещаются на живот и стягивают его ледяным узлом. Я переводила растерянный взгляд с Джаспера на эрцгерцога и обратно.

Если Джаспер напоминал куклу на шарнирах, ту, которую кукловод в театре дергает за ниточки, и она приходит в движение, болтая конечностями вольно и весело, то господина Ренара старшего можно было сравнить с ледяной статуей: красивая, но прикоснуться не хочется. Все движения четкие, размеренные, спокойные, никакой суеты, ничего лишнего. Видимо, и в жизни его так: ничего лишнего. Но что-то подсказывало, что в разряд лишнего он записывал такие «пустяки», как радость, добродушие и улыбка. Сейчас самое время развернуться и уйти за блюдами, но отчего-то ноги примерзли к полу, а язык, словно мне не принадлежал, сам ответил на вопрос:

– Господин Ренар никогда не улыбается?

– Что слугам до улыбок господ? – голос безразличен и сух, от него веяло холодом, оседающим на кончиках пальцев.

– Вы удивитесь, но даже слугам приятно знать, что их труды не напрасны...

– Слугам за труд щедро платят.

– Порой одна улыбка стоит дороже всего золота мира!

По взгляду эрцгерцога ничего нельзя было понять. Был ли он недоволен моими вольными высказываниями или отнес их насчет волнения от первого рабочего дня? Возможно, я никогда не узнаю ответ, поскольку он с невозмутимым спокойствием отвернулся и продолжил разбирать письма, оставленные дворцом. Сколько ни обряжайся воробей соловьем, а петь от этого все равно не научится. Воспитание не позволило смолчать:

– Если позволите, ваше высочество. Нет ничего хуже равнодушия. А от проявления дружелюбия еще ни один эрцгерцог не умер, – я искренне улыбнулась, показывая пример, и, склонившись в реверансе, тенью выскользнула из столовой, сразу же столкнувшись с недовольным взглядом тетюшки Мариши:

– Ты совсем из ума выжила? Хочешь работу потерять?

– Не знаю, что со мной творится, – унимая бешено бьющееся сердце, созналась я. Меня пробирала мелкая дрожь не то от жара, не то от холода, словно начиналась болезненная лихорадка. Морозные касания становились все реже, пока окончательно не оставили в покое. Я потеряла плечи руками

и поежилась, отчаянно пытаюсь согреться и вернуть самообладание.

– А, – успокоилась женщина. – Магия господ... Ну тогда ладно. Бывает, они развлекаются так. Или проверки устраивают. Я не знаю...

– Это как? – взяла поднос с едой и глянула на тетушку.

– Это когда твой язык тебе не принадлежит и говорит все, что в твоей голове.

– Зачем им это? – я украдкой выглянула из-за угла, любуюсь спокойствием и статью хозяина дома. Они с Джаспером о чем-то беседовали, но о предмете разговора мне никогда не узнать.

В столовой

– Как тебе новая служанка? – пригубив мятный чай, спросил Джаспер.

– Слишком вольна в высказываниях. К тому же, притворствует, а это худший грех.

– Притворствует? – удивился мужчина. – Ты сомневаешься в своих заклинаниях?

– Я сомневаюсь в людях, Джаспер. И вижу их насквозь. Эта девушка не та, за кого себя выдает, – он бросил на стол прочитанное письмо и откинулся на спинку стула.

– У всех есть секреты, Эдвард. Я ее проверил. Чиста и безопасна.

– Сказал с сомнением, – задумчиво протянул эрцгерцог. – Почему заступаешься за нее?

– Она мне понравилась, – Джаспер пожал плечами. – И, если не нужна тебе, предложу ей работу в своем замке.

Ничего не ответив, его высочество поднялся и покинул столовую:

– Пусть подадут завтрак в мой кабинет!

Джаспер позвонил в колокольчик, подзывая слуг.

На кухне

– Лайнэ! Поспеши! Господа зовут! Ступай и старайся держать язык за зубами! – советовала тетушка.

Я и сама понимала, что лишняя вольность станет причиной моего увольнения, но, глядя на хозяина дома, ничего не могла с собой поделать. Ледяная статуя, внутри которой живой человек! Так и тянуло взять молоточек для льда и разбить ее, чтобы спасти узника. Вот только, хочет ли он спастись?

Когда вошла в столовую, то эрцгерцога за столом не оказалось. Под пристальным взглядом Джаспера поставила поднос на стол и принялась обслуживать мужчину.

– Я справлюсь, благодарю, – улыбнулся он, явно желая облегчить мою участь. – У вас руки дрожат...

Подняла недовольный взгляд и обернулась по сторонам:

– Господин Ренар, мне казалось, что мы договорились!

– Хорошо, – он поставил перед собой тарелку и, попробовав овсянку, спросил: – пойдешь ко мне в замок?

– Что? – вспыхнула я. Эрдан недвусмысленно дал понять, что кроется за подобным предложением. – Разумеется, нет!

Моя нужда в деньгах не превращает меня в распутную девицу! Я буду зарабатывать лишь честным трудом!

– Честный труд может быть разным, – он поиграл бровями и нагло улыбнулся. – Ну же, тебе нечего бояться! Обещаю, отношения будут исключительно трудовыми! Ты ни о чем не пожалеешь!

– Кое о чем я уже пожалела. Что в моих руках нет ничего тяжелого.

– Магам холода тоже необходимо тепло... Тепло женского тела!

– Могу предложить лишь тепло своей души. Господин! – заметив в дверях эрцгерцога, добавила я и склонилась в реверансе.

– Все может измениться! – вернувшись к завтраку, вдохновенно произнес герцог. Так, словно принял какое-то решение, что подарило ему крылья.

– Завтрак. В мой кабинет. Я не привык ждать или повторять.

– Слушаюсь, ваше высочество.

Я смотрела на господ и не могла поверить. Насколько они одинаковы снаружи, настолько же разные внутри... От Джаспера, несмотря на принадлежность к стихии, веяло дружелюбием, озорством и даже своего рода теплом, а от его высочества лишь одиночеством и пустотой. Сложно представить, что творится на душе человека, равнодушного ко всему. Как говорят служители культа богини, страшный грех –

уныние...

Я взяла поднос с завтраком для его высочества и, выровняв дыхание, двинулась в его сторону. Под тяжелым испытующим взглядом чувствовала себя первоклашкой, первый раз переступившей порог лица и оставшейся без круглосуточного надзора матушки и нянечек...

Демонстрируя безукоризненное воспитание, хозяин дома открыл передо мной двери, предлагая пройти. Слуге бы отказать, где это видано, чтобы хозяин двери открывал, но, поскольку в моих руках поднос, иного выхода не было.

– Благодарю, – кротко произнесла я, ныряя в сапфировый полумрак коридора, пытаюсь понять причины столь странного поведения мужчины.

То ли пол подо мной превратился в льдину, то ли коленки дрожали, только ноги грозили разъехаться в разные стороны, а руки – уронить поднос. Дороги я не знала и просто шла вперед, ощущая всем телом, что господин Ренар за мной наблюдает. Я расправила плечи, выпрямила спину, вцепилась в поднос так, что костяшки пальцев побелели, ступала предельно аккуратно, уверенная, что господин только и ждет моего падения. Но я не планировала доставлять ему такого удовольствия! В полной тишине, разрушаемой исключительно мягким шепотом моих подыюбников и стуком каблучков, мы прошли несколько холлов, один лестничный пролет и длинный коридор. Наконец, передо мной открыли еще одну дверь и снова пригласили войти.

Повторно поблагодарив эрцгерцога, осведомилась:

– Где вы хотите, чтобы я накрыла?

Он взглядом указал на массивный стол из светлого дерева, а сам расположился на диване, застеленном белоснежной шкурой. Стоило немалых трудов расставить тарелки и приборы правильно. Руки дрожали, тарелки пытались выпрыгнуть, а приборы ускользали, словно смазанные мылом.

– Не часто делали это прежде? – голос неожиданно разорвал тишину. Стало понятно. Не ради завтрака он привел меня сюда.

– Волнуюсь, – призналась честно и, проверив еще раз, отчиталась. – Завтрак подан. Приятного аппетита, ваше высочество.

Несмотря на интерес и любопытство, которые я проявляла к личности своего хозяина прежде, мне отчаянно хотелось убежать. Вынести столь бесцеремонный взгляд, который талой водой просачивался в самые потаенные уголки души, не многим под силу. Я подобной выдержкой не обладала, а потому, чтобы не сказать лишнего, переминалась с ноги на ногу, теребила платье и кидала полный надежды взгляд на дверь.

Увы, тщетно. Верно говорила матушка, что мужчины на-меков не понимают...

– Я тебе нравлюсь? – неожиданный вопрос застал врасплох. Растеряв воздух, я пыталась унять возмущение, но не смогла.

– Нет! – вопреки правилам хорошего тона, негодование скрыть не удалось.

– По-твоему я красив? – так же бесстрастно спросил господин Ренар, закинув ногу на ногу и положив руку на спинку диванчика.

Я не могла понять, к чему он клонит, а потому ответила уже с большей учтивостью:

– Нет, господин.

– Вот как?

Ответ удивил хозяина Ренар Холла, явно привыкшего к женскому вниманию. Да что там! Собственный ответ и меня удивил, ведь его высочество невероятно хорош собой. Тем не менее, при красивой внешности я не могла назвать его красивым...

– Красота человека определяется не особенностями анатомического строения, не тем, как он сложен, а душевной организацией.

– Выходит, – каждое слово ударяло, словно молот по наковальне, – я не только непривлекателен, но и скверен душой?

Удивительное умение манипулировать словами!

– Я не это имела в виду! – хотела объясниться, но эрцгерцог перебил:

– Известен ли тебе мой годовой доход?

– Известен, господин, – после небольшой паузы, во время которой пыталась вернуть душевный покой, произнесла я.

– Он делает меня более привлекательным?

– Нет.

– Что ты думаешь по этому поводу, в таком случае? – впервые за все время лед в голосе мужчины дал трещинку интереса.

Я опустила глаза и молчала. Эрцгерцогу лучше не знать, что я думаю по этому поводу, иначе пургой отсюда выгонит. Врать не умею, а правда столь неприглядна, что...

– Я жду.

Властный тон не оставлял выбора.

– Думаю, что вам должно быть стыдно зарабатывать за цикл больше, чем можно потратить за всю жизнь!

Резкие черты лица господина преобразились от едва уловимой усмешки:

– Быть может, тебе и мои траты известны?

– Нет, не известны.

– В таком случае, допустимы ли столь вольные суждения?

Туше. Мало того, что слуга упрекает господина, так еще и без достаточных к тому оснований!

– Теперь стыдно мне. Простите, ваше высочество, – виновато склонила голову и исполнила глубокий реверанс.

Он подарил мне задумчивый взгляд и, скрестил руки на груди:

– Завтракала?

– Не успела.

Господин Ренар не произнес ни слова, но странный слуга, похожий на заколдованного человека, вошел без стука и

молча склонил голову, ожидая приказаний хозяина.

– Пусть принесут на завтрак ягоды череты, взбитые сливки и... что-то не так?

Мне сложно было скрыть недоумение. Если эрцгерцог хотя бы раз пробовал ягоды череты, а он не мог не пробовать любимейшее лакомство в дворянских кругах, то знал бы, что от них невообразимо тянет в сон. Именно поэтому матушка перед сном часто просила подать нам чай с черетовым вареньем или ягоды со сливками. Сон после них – сладчайший и скорый! Это частый трюк во всех дворянских домах.

– Но, ваше высочество... Черета не годится для завтрака. Ее свойства таковы, что к обеду вы забудетесь крепким сном, а это неприемлемо для столь занятого господина... Тем более, что у вас будут гости...

– Тогда пусть подадут, что есть. И поживей, – отмахнулся он.

Когда дверь за слугой закрылась, наступила неловкая тишина. Точнее, для меня она была неловкой, эрцгерцог же погрузился в свои думы. И думы эти были тяжелыми, судя по взгляду, направленному на меня. Что происходило в голове этого странного мужчины? Я чувствовала себя музейным экспонатом, который скрупулезно исследуют, чтобы назначить ему цену. В комнате становилось все холодней и, пытаюсь хоть как-то согреть обстановку, я рассеянно произнесла:

– Ваш завтрак остынет.

Ведь батюшка наставлял: «Лайнэ, слово – оружие.

Прежде, чем сказать, ты должна тщательно обдумать». Почему умные мысли всегда приходят после того, как сказаны глупости? Для мага, предпочитающего холодный мятный чай вряд ли имеет значение теплота блюд...

– Садись.

Осмотревшись, я выбрала стул у противоположной стены, возле книжного шкафа и, расправив подол платья, присела, сложив ладони одна к другой на коленях. Тишина. Ожидание. Задумчивый взгляд.

– Ваше высочество, принесли завтрак, – слуга вновь вошел без стука, но что-то подсказывало, что это не вольность прислуги, а воля хозяина.

– Ваше высочество, новенькая совершенно обнаглела, она...

Летиция, заметив меня, замерла с открытым ртом, поворачивая голову то к эрцгерцогу, то ко мне.

– Поставь на стол и свободна, – бесстрастно приказал мужчина.

От сквозившего в каждом взгляде, жесте и слове равнодушия, мое сердце обволакивало снежным одеялом. Слой за слоем оно укутывало теплолюбивый орган, заставляя в страданиях сжиматься и обливаться кровью. Мне хотелось вскочить, дать эрцгерцогу хорошую затрещину и привести его в чувство. Хотелось перестать играть и быть собой. Хотелось наполнить солнечной энергией дом и согреть красивый, но одинокий и неуютный особняк. Что-то здесь было не так. Во

всем. Душа кричала, что все происходящее неправильно, и этому крику вторил взгляд ледяных глаз мага. Взгляд, полный боли и уныния...

– Ешь.

Словно собака, которой отдали приказ... Я закусила от обиды губу.

Взгляд выходившей из комнаты Летиции пообещал мне много сюрпризов в ближайшем будущем. Сюрпризов, которые могут оставить раны не только в душе... Подобные обиды оборачиваются страшными последствиями. Я чувствовала исходившие от девушки волны ненависти.

Когда мы с господином Ренаром остались вдвоем, я села за стол, расположила на коленях салфетку и, взяв вилку с ножом, аккуратно отрезала кусочек пышной вафли.

– Хочу рассказать тебе историю, – мужчина медленно поднялся и остановился за моей спиной. Вилка замерла возле рта. – О разорившемся бароне, что решил поправить благосостояние семьи.

Я попыталась найти объяснение изменившемуся поведению эрцгерцога, но не смогла. Подобная разговорчивость после длительного молчания смутила. Попыталась развернуться, чтобы видеть лицо собеседника, но он положил ладони на мои плечи, не позволяя этого сделать:

– Я приказал есть, – напомнил мужчина. Насилу повиновалась, когда эрцгерцог занял место за столом, напротив. – Жил был барон. Дела у него не спорились. Долги росли, а

доходы не увеличивались. Сыновья слишком молоды, чтобы помочь, а дочери не обеспечены приданным и не выданы замуж. Чем это грозит?

– Разорением? – предположила я, поскольку ситуация была знакома.

– Разорением, – спокойно подтвердил мужчина и продолжил, наблюдая, как я кусочек за кусочком отправляю в рот печеные вафли. Сам при этом к еде не притронулся. – И как можно избежать разорения?

– Уменьшить расходы, продать часть имущества, распустить слуг. Либо взять ссуду и вложить деньги в расширение производства, в надежде, что это даст экономически положительный эффект. Однако следует тщательно взвесить все риски.

Мне пришлось изучить множество книг по экономике прежде, чем мы с матушкой научились жить без батюшки и сводить концы с концами.

Эрцгерцог ухмыльнулся и отрезал:

– Либо выдать дочь за богатого господина. К примеру, можно послать ее под видом служанки в дом какого-нибудь герцога, в надежде, что он польстится на миловидную девушку, – поняв, к чему клонит господин Ренар, я резко утратила аппетит. Рука с вилкой медленно опускалась, а негодование с примесью гнева росли. – Конечно, дворянин не станет связывать себя узами брака с крестьянкой, но какая удача, что у его новоиспеченной возлюбленной титул баронессы.

Он замолчал, и мы смотрели друг на друга как дуэлянты. Кто первым сорвется и схватится за пистолет? Чей выстрел окажется смертельным? Я выстояла и приняла снаряд прямо в сердце:

– Ты так себе это представляла?

– Нет. Не так, – гордо подняла голову, не желая опускаться до оправданий, которые, очевидно, моему новому хозяину неважны.

– Столовый этикет, манеры, речь...

– Ягоды череты, – добавила я, поняв, как эрцгерцог окончательно убедился, что я не та, за кого себя выдаю.

– Ягоды череты, – согласился он.

Из-за своей большой стоимости, эти ягоды доступны лишь людям дворянского происхождения. Слуги не осмелятся и ягодку с хозяйского стола взять, а потому вкус этого лакомства и его действие на организм им неведомы. Так я себя и раскрыла. На мелочи...

– Смею заверить, ты мила на лицо и хорошо сложена, но тебя ждет разочарование. Во мне нет ничего, что юные пылкие девы ищут в богатом и властном мужчине. Ни любви, ни ласки, ни доброты, ни щедрости. Я не стану дарить тебе подарки и выводить в свет. Не стану выделять среди других или оказывать знаки внимания. Ни о каком браке, разумеется, и речи быть не может. Я не могу и не хочу предложить тебе больше, чем делить со мной постель тогда, когда мне этого захочется...

Я могла многое стерпеть, но открытое хамство и оскорбление – никогда. Вскочив, сжала от гнева кулаки и ударила ими по столу:

– Да как вы смеете говорить леди подобные гнусности? Даже простолюдинка не заслуживает такого обращения, не говоря уже о графине!

– Разве не для этого вы прибыли в Ренар Холл, графиня? – в глазах смешинки и неверие.

– Да будь вы последним мужчиной на этой земле, я бы предпочла делить постель с глыбой льда, нежели с вами, ведь итог был бы одинаковым!

Хотелось уйти, громко хлопнув дверью, но я понимала, что мне не позволят продемонстрировать подобный акт неповиновения. Уже индевели пальчики ног и мороз медленно полз выше, колючими иголками подкрадываясь к коленкам.

– Хорошо.

– Хорошо?

– Я выяснил, что хотел, можешь быть свободна.

Пока не наделала или не наговорила глупостей, я небрежно исполнила реверанс и на негнущихся ногах кинулась к двери. Схватившись за ледяную ручку, вскрикнула от боли.

– Забыл сказать, – перевела почти ненавидящий взгляд на эрцгерцога. – Причины, по которым графская дочь пошла ко мне в услужение, меня не интересуют, хоть я и не одобряю подобных занятий для дворянки. Однако особого отно-

шения не жди. Ты здесь в роли служанки вот и следуй ей.

– На иное не смела рассчитывать, ваше высочество. Могу я быть свободна?

По полу прополз сквозняк, блеснувший снежинками, и дверь передо мной открылась. Воспользовавшись возможностью, выскочила в коридор. Хотелось бежать, но окоченевшие ноги не слушались. Прижалась спиной к стене и, тяжело дыша от переполнявших негативных эмоций, пыталась не разреветься. Слуга оловянным солдатиком стоял возле дверей и делал вид, что не замечает меня. Впрочем, белый цвет кожи, волос и глаз вызывал сомнения: человек ли у двери? Мысль о загадочном снежном слуге аккуратно остудила пыл, и Джаспер нашел меня в расстроенных чувствах, но не более.

– Смотрю, познакомились с моим дядюшкой поближе?

Бросила взволнованный взгляд на ледяного истукана.

– Не переживайте. Снежный элементаль, – маг пощелкал пальцами прямо перед лицом странного человека и стукнул того по носу. – Активируется волей хозяина...

Это многое объяснило.

– Знакомство не доставило мне удовольствия. И это взаимное чувство.

– Мое предложение в силе, – он беспечно пожал плечами. – Буду вам рад в любое время.

– Никогда подойдет? – ехидно улыбнулась я.

– Колючка, – герцог подарил ответную улыбку. – И кто из нас маг холода?

Когда Джаспер скрылся в кабинете хозяина поместья, я вновь вернула душевный покой. Сложно приноровиться к жизни в новых условиях. Разумеется, наша семья путешествовала, ездила в гости, однажды мы месяц жили в доме герцога Лирийского, родственника батюшки, но от меня никогда не требовалось умение приспосабливаться к ситуации. Если что-то не устраивало, всегда можно было запереться в своей комнате. В Ренар Холле у меня такой возможности нет, а потому придется учиться и работать над собой.

– Значит, элементарь, – задумалась я, рассматривая белого человека. Он резко повернул голову в мою сторону, от чего я вздрогнула, отскочила назад и едва успела ухватить скользнувшую со столика старинную вазу. Холодно улыбнувшись, элементарь принял прежний вид.

Ну и шутки у господ! Сердце едва из груди не выскочило! Я поставила вазу и спешными шагами двинулась обратно в столовую.

Понять, что иду не туда, удалось не сразу. Все коридоры замка казались одинаковыми: аквамариновые, бирюзовые, халцедоновые, сапфировые или турмалиновые – все они сверкали при тусклом свете ледяных кристаллов загадочным снежным блеском, будоражащим душу, создающим атмосферу сказочного таинственного лабиринта. Именно лабиринтом, в итоге, и оказались. Через полушку беспорядочного блуждания я окончательно поняла, что заблудилась и решила осмотреться, в надежде, что за какой-нибудь из две-

рей окажутся люди. Я постучала в пять или шесть... Одинаково белые, словно созданные из снега, они отозвались молчанием, и лишь за одной послышался голос. Точнее, детский плач.

– Кто там? – сердце взволнованно замерло, а затем пустилось в кадиль. Я знаю такой плач, знаю, поскольку нянчилась с братьями и сестренкой. Так плачут дети, у которых что-то болит. Которым плохо и отчаянно требуется помощь взрослых. – Откройте! – потребовала я и постучала сильнее.

Увы, никто не открывал. Детский плач усиливался и, сквозь него я слышала едва различимое «мама», «мамочка». Щеки опалило огнем, а по рукам прошлись мурашки. Ну нет, я не позволю малышке обкричатся и умереть от страха в этом проклятом богиней месте!

Отошла от двери и осмотрелась, но ничего полезного не нашла. Кричать тоже бессмысленно, пока блуждала – не встретила ни единой живой души. К тому же, будь кто поблизости, наверняка пришли бы на детский плач. Не оставалось ничего иного, как понадеяться на свою силу. Сможет ли она отворить запертую дверь? Если да, то как? Ведь я понятия не имела, что подвластно магам солнца...

Прильнула к двери всем телом, положила ладошки на холодное белое дерево и закрыла глаза, представив, как энергия выходит из кончиков пальцев, стремится к дверному замку и...

– Что ты здесь делаешь? – неожиданный возглас заставил

вздрыгнуть и шарахнуться от двери.

Я в страхе уставилась на незнакомку и растерянно моргала. Бледная, словно снежный элементаль, с забранными в пучок черными волосами поверх которых аккуратный кружевной чепчик, в пышном платье, шелк которого отливал жемчужным перламутром, она смотрела на меня строго и с укором. Судя по солидному возрасту, взгляд практиковался долго и действовал безотказно!

Очнувшись от мимолетного замешательства, я повысила голос:

– Слава богине! Скорее, отоприте эту дверь!

– Абсолютно исключено! – женщина скрестила на животе худые руки с длинными тонкими пальцами и сдвинула брови, демонстрируя, что даже не шелохнется.

– Но... там же...

– Ты видишь цвет стен? – в голосе едва уловимое раздражение, однако, судя по всему, эмоция была не подходящей статусу и скрывалась неумело.

– Да, белые. Но какое это имеет...

– Жемчужные! – перебила она, не сумев-таки сохранить самообладание.

– Хорошо, пусть жемчужные. Отоприте двери, там...

– А что значат стены из жемчуга? – тон стал назидательным.

Я каким-то чудом подавила желание закатить глаза. Там, за дверью, ребенок разрывается от плача, а ей вздумалось

обсуждать цвет стен и их значение? Дитя, как минимум, накричит себе грыжу или сорвет голос!

– Невероятную расточительность хозяина? – иного объяснения у меня не было.

– Запретную зону! – дернув плечами и легонько притопнув, просветила незнакомка. – Чужакам здесь находиться не положено!

– Разве сейчас это имеет значение? Там...

За один взмах ресниц странная женщина оказалась прямо возле меня. Я в испуге отшатнулась. Холод стены, коснувшейся лопаток, не остужал волнение, а напротив, подпитывал его.

– Теплая, – взяв меня за подбородок двумя пальцами, прикосновения которых я, почему-то, не почувствовала, незнакомка всматривалась в мое лицо и повторила: – теплая... Как покойный господин Ренар...

Только я хотела возмутиться неприличной близости наших лиц и сравнения с покойником, как пол подо мной провалился. С неподобающим визгом, отчаянно хватаясь руками за воздух, я полетела вниз и плюхнулась в объятия чего-то мягкого.

Сердце металось в груди разъяренной куницы, в ушах шумело, перед глазамиплыли черные круги. Попыток подняться или хотя бы осмотреться я не предпринимала, понимая их тщетность. Лишь спустя какое-то время, когда звуки бьющейся в окно метели стали перекрикивать нервный ритм

сердца, я смогла сесть. Таинственная незнакомка переместила меня в мои же покои. Но неужели она полагала, что так отведет меня от помощи ребенку?

Поняв, что ноги мне подвластны, а зрение больше не подводит, я немедленно направилась на кухню. Благо, заблудиться в этот раз мне не грозило, поскольку коридор для прислуги располагался неподалеку от моей комнаты и вел прямоком в служебные помещения, где постоянно сновали слуги. Тетушку Маришу нашла сразу и, дождавшись, пока та закончит беседу с поваром, тут же подошла к ней.

– Тетушка...

– А, Лайнэ. Как беседа с господином? Все прошло хорошо, раз ты еще с нами?

– Господин – страшный человек. Вдобавок ко всему – грубиян, – честно созналась я, а тетюшка добродушно рассмеялась, увлекая меня за стол и пододвигая кружку с чаем. Обхватив горячую глину застывшими ладошками, я с удовольствием втянула в себя пряный аромат душицы и мяты. То, что нужно промозглым утром! – Но я хотела поговорить с вами о другом.

Сделав глоток чая, чтобы унять дрожь в голосе, я собралась с мыслями и поведала тетюшке историю, которая со мной приключилась. Улыбка медленно сползала с ее лица, а затем взгляд стал строгим, точь-в-точь как у той таинственной незнакомки.

– Мы должны немедленно туда отправиться! Как пред-

ставлю, что тот ребеночек все еще кричит, так сердце кровью обливается!

– Лайнэ, – строго перебила тетушка.

– Или следует рассказать господину Ренару? Почему та женщина ничего не сделает? Мы должны поговорить с хозяином...

– Это не повод для шуток! – она была недовольна.

– Так ведь я и не шучу! Почему никому нет дела до этого ребенка? Неужели вам...

– Потому что в Ренар Холле нет детей, – строго отрезала тетушка и опустила глаза.

Кухарка, которая прислушивалась к нашему разговору, тоже отвернулась, а затем вообще вышла из кухни. Слуги отводили взгляд, когда я на них смотрела. Создавалось ощущение какого-то заговора. Словно все знали о чем-то, о чем не знала я, и являлись соучастниками чего-то страшного...

– Как же нет, если... если есть? Я ведь сама слышала!

– Должно быть, слух тебя подвел. Как и зрение...

– Зрение?

– Женщина, которую ты описала, – тетушка понизила голос и перешла на шепот. – Жемчужное платье, кружевной чепчик, в летах...

– Все так.

– Это патронесса Даберпул.

– Страшная женщина! Как и господин Ренар.

– Она скончалась три цикла назад.

Меня словно громом поразило, а по телу прошелся холодок. Все страхи нажились разом. Мерещился хищный взгляд в спину, копошение импов под столом, норующих схватить меня и утащить в царство подземного бога, и злобный оскал тетушки, которая не тетушка вовсе, а оборотень, что сейчас обернется зверем и воткнет в меня острые клыки...

Стук в окно, визг и звон разбившихся тарелок стали последней каплей. Я побледневшими руками вцепилась в столешницу, стараясь сохранить уплывающее сознание. Не то, чтобы я была излишне пуглива, но происходившее откровенно пугало.

– Айра, ну что ты, в самом деле! – возмутилась тетушка.

– Патронесса, там белая голубка убила! Опять! Кошмар-то какой!

Посудомойки заохали, помощницы кухарки и вовсе с кухни убежали.

– Что значит... опять?

На глазах девушки выступили слезы. Она прикрыла рот дрожащей ладошкой и тихо всхлипывала.

– Тетушка! Что здесь происходит? – решительно поднялась. Решимость всегда берет страх под контроль. – Я вижу, что от меня что-то скрывают, но зачем? Тайное, рано или поздно, становится явным.

– Лучше поздно, Лэни, лучше поздно... Надень-ка ты лучше мой тулуп да сходи во двор Семриха, за яйцами.

Пурга бросила в окно, на котором еще остался кровавый след несчастной птицы, сухие ветки и комки снега.

– Куда... сходить?

– Я объясню. Рамила, налей Айре успокоительный отвар, а ты, дорогая, успокойся. Хозяин не допустит беды, поняла? Он невероятно силен...

– И тогда силен был, а не помогло! – девушка перешла с тихих всхлипываний на рыдания в голос.

– Идем, Лайнэ, я тебе все покажу.

– Но как же Айра?

– Рамила о ней позаботится. А нам нужно поговорить.

На крыльце одного из служебных выходов замка, тетушка застегивала на мне тулуп и давала наставления:

– Запомни, Ланушка, в Ренар Холле есть несколько правил. Это моя вина, что сразу тебе не сказала. Не часто у нас новый персонал, а старый давно им следует. Первое, – она подтянула пояс и положила сухие ладони мне на плечи, которые из-за тулупа стали шире раза в два. – Никогда, ни при каких обстоятельствах не лезть в личную жизнь хозяина! Прошлое, настоящее, будущее – все под запретом. Поняла?

– Поняла, – от кивка высокая меховая шапка сползла мне на лоб и закрыла глаза. Рассмеявшись, я поправила непривычный предмет туалета.

– Второе – забудь о жемчужных коридорах! Увидишь жемчужные стены – сразу разворачивайся и уходи!

– Почему?

– Лайнэ!

– Но, тетушка, вы запретили туда ходить, а не расспрашивать. К тому же, там ребенок плачет. Я не смогу спокойно спать, пока снова там не побываю и не буду убеждена, что все в порядке.

– А моих слов тебе недостаточно?

– Простите, но я верю тому, что видела и слышала.

– Хорошо, я расскажу. Это магическая часть замка, охраняемая элементариями. Хозяин проводит там магические ритуалы и создает артефакты. Я уже говорила, в Ренар Холле нет детей. А вот привидеться от избытка магии может... всякое.

– Это вы о патронессе Даберпул? Но ведь плач мне не привиделся!

– Мороки бывают разными. Кто знает, во что выльется магическая энергия господ? Я в этих вопросах разбираюсь плохо, но в замке часто бывают разные аномалии. Хозяин, как правило, предупреждает, когда волшебствовать изволит, чтобы мы ничему не удивлялись. Поняла?

– Ничегошеньки, – призналась я. Тетушке не удалось меня убедить в том, что все увиденное и услышанное лишь игры моего воображения. Я пока не выжила из ума и была убеждена, что патронесса и ребенок реальны.

– Поймешь. Просто делай свое дело и все будет хорошо. Вот тебе корзинка.

И тетушка отправила меня за яйцами, объяснив, как най-

ти двор Семриха.

Я долго не решалась выйти на улицу, прислушиваясь к беснующейся за дверьми метели. Как и холод замка, метель тоже казалась живым существом, раненым зверем, возможно, тем самым, чья боль отражается в глазах господина Ренара. Я же сейчас наслаждалась уже забытым теплом. Тетушка закутала меня так, что за шапкой, воротником тулупа и шалью не было видно моего лица, только огромные глаза. Я усмехнулась, глядя на себя в зеркало и только хотела выйти за дверь, как услышала:

– Новенькая!

Я обернулась.

Прислонившись к дверному косяку, Летиция скрестила на груди руки.

– Хотела дать тебе совет. Будь осторожна. Ренар Холл не безопасное место. Особенно для таких любопытных дамочек.

– Это ты о чем?

– О том, что здесь очень скользкие полы. Особенно мраморные лестницы. Ничего не стоит поскользнуться, упасть и сломать себе шею.

Хорошо, что тетушка укутала меня как следует и Летиция не смогла насладиться моим разгневанным видом.

– Что ж, – взяла себя в руки и немного отвела шаль, чтобы меня было лучше слышно. – Благодарю за предупреждение. В таком случае, нам обеим стоит быть осторожными, ведь

любой может стать жертвой скользких полов.

Я понимала, что по какой-то причине Летиция, которой я не приглянулась, хотела меня запугать. Но до чего же приятно было видеть ее растерянность. Она полагала, что раз я новенькая, то буду дезориентирована и легко внушаема, что не имею зубов. Нет. Слово «страх» мне неведомо! И я докажу это!

Дверь за моей спиной громко захлопнулась, припечатанная шквальным порывом ветра, который едва не сбил меня с ног. Что я говорила насчет страха? Стихия бесновалась и лютовала, пытаюсь схватить меня острыми, словно вышивальные иглы, пальцами, сорвать одежду, раскутать шаль и пробраться под шерстяной платок. Белая пелена застилала округу, не позволяя разобрать, в какую сторону следовало двигаться. Рев ветра, казалось, могильным голосом призывал вернуться обратно и, видит богиня, я уже было хотела к нему прислушаться! До дрожи захотелось назад, но я понимала, что Летиция все еще в коридоре, только и ждет моего позорного возвращения. Ну, уж нет! Для дворянки гордость и честь – не просто слова, они куда важнее сиюминутной слабости!

Решительно стиснув корзинку для яиц, я сделала шаг вперед и... провалилась по грудь в снег.

Так некстати вспомнились страшные сказки, которыми нас в детстве пугала бабушка, когда братья не слушались. Она говорила, что на севере державы, где горы круглый цикл

одеты в белые шапки, живет чудище Ходарк, которое утаскивает непослушных детей в свои ледяные пещеры и морит там голодом. Жестокие сказки были у бабушки, но зато братья переставали шалить, а я – еще и спать. Чудище Ходарк с прозрачными глазами и ледяными когтями мерещился мне на каждом шагу. Вот и сейчас рев охрипшей метели казался завыванием зверя, а тугие объятия снега – его стальной хваткой. Воображение довершало картину жестокой расправы, и я стала задыхаться. Толщи снега все сильнее давили с разных сторон и, сколько бы я ни пыталась пошевелиться, ни раскапывала грудь руками, меня лишь больше засасывало. Мой отчаянный крик утонул в бешеном реве стихии, как капля дождя тонет в море. Она есть, но о ней никто и никогда не узнает... Вдобавок ко всему, чудился не то женский смех, не то замогильный рев.

Я призвала силу, в тщетной надежде, что каким-то образом получится выбраться из снежного капкана и спастись, но, увы, она лишь согревала обмерзающие стопы и колени, продляя мою агонию. А ведь я так храбрилась своим бесстрашием. Правильно говорят, что смерть всех смиряет и ставит на колени: что дворянин, что слуга – она не делает различий...

Только я была готова смириться со своей участью и даже, казалось, в неверном туманном отблеске небесного светила различала облик отца, как раздался голос. Он звучал ясно и четко, словно метель не помеха:

– Назовись, чужак! Имя и цель прибытия.

Уплывающее сознание в белой пелене никак не могло разобрать образ незнакомца на дивном звере, похожем на коня, но по голосу я узнала сразу:

– Джаспер, это я, Лайнэ!

– Лайнэ? – хватка сугроба вмиг отступила, и он подтолкнул меня к поверхности.

Маг спрыгнул со зверя и помог мне выбраться и отряхнуться. Он воздел руки, с которых сорвались лазурные волны силы, к небу и пурга стала утихать. Она не исчезла вовсе, но значительно ослабла, позволяя хорошенько разглядеть мужчину и прекрасно его слышать.

– Прости, это моя вина. Ты попала в снежную ловушку. Защита Ренар Холла была настроена на Латишу, а не на тебя... Я все исправлю, не переживай.

– Ходарк? – продрогшим голосом протянула я, оглядываясь в поисках корзинки. К счастью, та оказалась поблизости, и я смогла до нее дотянуться, не сходя с места. По понятным причинам я теперь и шага ступить боялась!

– Ходарк? – мужчина поднял брови, и я лишь сейчас заметила, что он без шапки. Только меховой полушубок, штаны и бурки. Кожа мужчины едва мерцала, будто покрытая кристаллами инея, а ветер трепал белоснежные волосы, растворявшиеся в снежинках, словно сами являлись частью снежного сумасшествия. Именно сумасшествием это и было... Я и в тулупе продрогла так, что губы едва шевелились!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.